

На правах рукописи

Лысенко Юлия Александровна

**МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В КАЗАХСТАНЕ
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Барнаул – 2011

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ФГБОУ ВПО
«Алтайский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Гончаров Юрий Михайлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Алексеевко Александр Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

доктор исторических наук, доцент
Софронов Вячеслав Юрьевич

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный
университет»

Защита состоится 25 ноября 2011 г. в «_____» часов на заседании
объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций
ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу:
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, ауд. 416 (зал заседаний ученого совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ал-
тайский государственный университет».

Автореферат разослан «_____» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

В.В. Горбунов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последнее десятилетие на постсоветском пространстве наметились интеграционные процессы, свидетельством которых являются определенное оживление в деятельности СНГ, оформление безвизового режима отдельными его членами, подписание Таможенного союза между Российской Федерацией, Казахстаном и Белоруссией, действие которого вступило в силу в 2010 г.

Очевидно, что строительство новой системы межгосударственных отношений на пространстве СНГ должно осуществляться в контексте утверждения ценностей этнокультурного многообразия, а для более успешной реализации интеграционных задач актуальной, безусловно, становится необходимость изучения и использования социально-исторического опыта и потенциала межэтнического взаимодействия, накопленного народами бывшего СССР в предшествующие эпохи.

Наиболее ярким примером регионально переосмысленного опыта этнокультурного сотрудничества русского и казахского народов может выступать история Казахстана. Благодаря трансграничному расположению территорий казахских жузов, а также социально-экономическим и политическим процессам, происходящим в Центральной Азии в XVIII–XIX вв., данный регион был включен в сферу интересов Российской империи и стал одной из ее национальных окраин. В результате в указанный период на территории Казахстана осуществлялось мощное культурное взаимодействие восточнославянской (оседло-земледельческой) и тюркской (кочевой) этнических групп, особенности которого во многом предопределили своеобразие национальной политики Российской империи.

Она представляла собой определенную стратегию и реализовывалась в русле реформ, связанных с экономической, политической модернизацией Казахстана. Значительную роль в ее реализации сыграла Русская православная церковь, деятельность которой была направлена как на социокультурную интеграцию населения Казахстана в имперское пространство России, так и на собственную интеграцию в культурное пространство региона. В этой связи осмысление ее исторического опыта в данных процессах, принципов функционирования и методов деятельности, путей взаимного сближения тюркской и славянской культур имеет в настоящее время актуальное значение.

Исследование этих процессов, безусловно, поможет переосмыслить ошибки прошлого, будет способствовать укреплению дружественных отношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, позволит выстраивать в будущем двусторонние российско-казахстанские отношения на паритетных началах, взаимовыгодном партнерстве и сотрудничестве.

Изучение отдельных проблем Русской православной церкви, в том числе ее миссионерской деятельности, актуализируется также в связи с активизацией на современном этапе процессов духовного, нравственного и культурного возрождения народов, традиционно исповедующих православие. Они сопровождаются преодолением атеизма, изменением статуса Русской православной церкви как социального института, ростом доверия к ней со стороны православного населения и закреплением в массовом сознании представления о тождественности национальной и конфессиональной идентичности.

Кроме этого, в условиях поликонфессиональности современного российского общества важной задачей Русской православной церкви является выстраивание конструктивного диалога с другими религиозными системами, направленного на сохранение стабильности и толерантности в межэтнических отношениях. Исторический опыт, накопленный Русской православной церковью в дореволюционный период в межэтническом и межконфессиональном взаимодействии, безусловно, может использоваться ею для достижения этих задач.

Степень изученности проблемы. История Русской православной церкви как самостоятельная отрасль научного знания выделилась в начале XIX в. благодаря исследованиям церковных деятелей¹. В последующие десятилетия в России сформировались крупные центры богословия и церковно-исторической науки, среди которых лидирующие позиции принадлежали Московской, Киевской, Петербургской, Казанской и Томской духовным академиям.

В центре внимания богословов-историков находились, прежде всего, вопросы, связанные с историей зарождения христианства на Руси, а также поэтапным развитием Русской православной церкви и ее институтов. В ряду таких исследований необходимо назвать многотомные труды М.П. Булгакова, Н.Д. Тальберга, М.В. Толстого, в которых, несмотря на описательность, «схολастический дух» и отсутствие критического анализа источников, содержатся ценные материалы по истории Русской православной церкви².

Важный вклад в изучение истории Русской православной церкви внес преподаватель Московской духовной академии Е.Е. Голубинский. Характерной тенденцией его работ стало стремление теснее связать периодизацию церковной истории с историей русского народа, общества и государства. Именно поэтому исследователь выделил в ней Киевский, Московский и Петербургский периоды, особенно обращая внимание на этническое и религиозное самосознание русского народа, его отношение к церкви и религии³.

Региональные аспекты истории Русской православной церкви, в том числе ее миссионерская деятельность, активно разрабатывались в епархиальных центрах Российской империи. В ряду таких работ следует назвать исследования Н.М. Чернавского, посвященные истории Оренбургской епархии⁴, компетенция которой распространялась и на западные территории современного Казахстана. В поле зрения историка находился целый комплекс вопросов: институциональное развитие епархии, ее приходское и школьное строительство, старообрядчество в Уральском и Оренбургском казачьих войсках, а также начальный этап миссионерства среди казахов Уральской и Тургайской областей, рассматривавшиеся им как один из методов закрепления позиций православной церкви в регионе.

¹ Платон (Левшин Г.П.). Краткая церковная российская история. М., 1805; Филарет (Дроздов В.М.). Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества. СПб., 1816.

² Макарий, архиепископ Харьковский. История христианства в России до равноапостольского князя Владимира, как введение в историю церкви. СПб., 1868; Тальберг Н.Д. История Русской церкви. Изд-во Сретенского монастыря, 1997; Толстой М.В. История русского православия. М., 2010.

³ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1900; 1917. Т. I, II.

⁴ Чернавский Н.М. К истории Оренбургской епархии. Казань, 1906.

Крупным региональным исследовательским центром по изучению истории православия в Западной Сибири и прилегающих к ней районов Казахстана являлась кафедра по истории и обличению русского раскола и местных сект Томской духовной семинарии. Ее преподаватель, профессор богословия протоиерей Д.Н. Беликов был автором целой серии фундаментальных работ по истории, классификации старообрядчества в Томской епархии и анализу государственной политики по отношению к нему¹.

Во второй половине XIX в. появились фундаментальные труды по истории Русской православной церкви, созданные светскими исследователями. В поле их зрения находились три узловые проблемы: возникновение христианства на Руси, патриаршество и реформа Никона, а также синодально-обер-прокурорский период. Среди исследователей, работавших в этом направлении, следует назвать Т.В. Барсова, С.Г. Рункевича, П.В. Знаменского, А.П. Доброклонского и др.²

Характерной методологической посылкой светского направления дореволюционной отечественной историографии стало изучение отдельных сюжетов церковной истории в контексте общероссийской истории, ее внутри- и внешнеполитических событий. Одним из таких сюжетов стала миссионерская деятельность Русской православной церкви, которая рассматривалась как составная часть процесса присоединения и освоения Российской империей этнорегионов и закрепления в них государственных позиций.

В связи с этим в исследовании православного миссионерства получили освещение три направления: представители первого из них изучали миссионерскую деятельность Русской православной церкви в регионах компактного проживания мусульман Российской империи³, представители второго – миссионерство среди языческого населения Сибири⁴, исследователи третьего

¹ Беликов С.Д. Томский раскол. Томск, 1894.

² Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. М., 2009; Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1886; Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; Он же. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: время патриаршества Иосифа. М., 1913; Он же. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003; Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX в.: очерки из новейшей истории раскола. М., 1904; Рункевич С.Г. История Русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительственного Синода (1721–1725). СПб., 1900; Он же. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.

³ Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913; Крымский А.Е. Мусульманство и его будущее. М., 1912; Малов Е.А. О Новокрещенской конторе. Казань, 1878; Машанов М. Обзор деятельности Братства Святого Гурия за 25 лет его существования (1867–1892). Казань, 1892; Он же. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910; Перетяткович Г. Поволжье в XV – начале XVI в.: очерк из истории края и его колонизации. М., 1877; Цаликов А. Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913.

⁴ Догуревич Т.А. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований народов этого края. СПб., 1897; Дунин-Горкавич А.А. О деятельности Обдорской духовной миссии // Памятная книжка Тобольской губернии за 1908 г. Тобольск, 1908. С. 79–87.

направления сосредоточивались на истории «внутренних миссий» – борьбе Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством¹.

Исследований, посвященных проблеме миссионерства Русской православной церкви на территории Казахстана, в дореволюционной историографии крайне мало. Ученые и публицисты второй половины XIX в. акцентировали внимание на критике религиозной политики Российской империи, проводившейся в конце XVIII – начале XIX в. в данном этнорегионе. Последняя представляла собой попытку административного закрепления позиций ислама среди казахов и рассматривалась как культуртрегерский проект, призванный привести кочевников к состоянию оседлости.

Причиной смены вектора оценочных суждений этой политики с середины XIX в. стало начало дискуссии в научных кругах о судьбе ислама и его роли в истории Российского государства. Часть исследователей позитивно оценивали тактику взаимоотношений с исламским миром, основанную на принципе веротерпимости, которая была выбрана правящими кругами империи на рубеже XVIII–XIX вв. Однако в целом господствующими стали исламофобские настроения, наиболее ярким носителем которых считался ориенталист и видный общественный деятель XIX в. М.А. Миропиев. Исследователь отрицал саму возможность внутреннего поступательного саморазвития данной религиозной системы. Роль государства виделась им в ограничении дальнейшего распространения ислама и прекращении практики исламского миссионерства среди населения империи. М.А. Миропиев активно выступал за обращение мусульманского населения России в православие, поскольку лишь этой конфессии отводил прогрессивную роль в распространении образования и создании внутренне целостного имперского суперэтнуса, базирующегося исключительно на основе русской православной культуры². Таким образом, политика русификации и православное миссионерство, как ее важная составляющая, были приоритетным направлением политики Российской империи в этнорегионах.

Реализацию политики русификации в Казахстане во второй половине XIX в. вызвала необходимость обоснования тезиса о слабом влиянии ислама на жизнь казахского социума, отсутствии позитивных подвижек в его духовной сфере в результате проведенной Россией исламизации административными методами. «Мусульманство, – отмечал крупнейший востоковед середины XIX в. Ч.Ч. Валиханов, – среди народа неграмотного (казахов. – Ю.Л.) ...не могло укорениться, оно оставалось звуком, фразой, под которыми скрывались прежние шаманские понятия. Оттого изменению подверглись имя, слова, а не мысль»³.

Две научно-публицистические статьи Ч.Ч. Валиханова «О судебной реформе» и «О мусульманстве в степи» носят ярко выраженный антиисламский характер. В них исследователь предложил проект по ограничению сферы

¹ Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу: очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. Новгород, 1904; Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. 27 октября 1800 г. – 27 октября 1900 г.: (очерки из истории единоверия) / сост. М.П.Чельцов. СПб., 1900.

² Миропиев М.А. О положении русских инородцев СПб., 1901; Он же. К вопросу о просвещении наших инородцев // Русская школа. 1901. Май–июнь. С. 121–136.

³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 49.

влияния ислама на жизнь кочевников, реализованный в ходе административно-территориальных реформ 60–80-х гг. XIX в. в Казахстане¹.

В то же время подчеркнем, что исследователь был против насильственного распространения православия среди казахов. По его мнению, национальная политика государства по отношению к «инородцам» империи должна была иметь не религиозную, а светскую направленность. И в этом вопросе он был солидарен со своими друзьями, сибирскими демократами-областниками Н.Г. Потаниным и Н.М. Ядринцевым².

Сибирская областническая мысль крайне отрицательно оценивала политику государства в отношении «инородцев». Ее представители настаивали на предоставлении народам Сибири полноправных гражданских прав в той же степени, что и русскому населению, невзирая на этнокультурные отличия³. Рассматривая казахов-кочевников как часть «инородцев» Сибири, они высказывались против мер, преследующих их русификацию, считая такие меры дискриминирующими, лишаящими их права на равные условия существования и развития с другими группами населения империи⁴.

Проблема миссионерской деятельности Русской православной церкви среди старообрядческого и сектантского населения Казахстана в светской дореволюционной историографии представлена крайне слабо. Наибольшее внимание исследователи уделяли собственно истории староверческого православия и сектанства в регионе, вопросам духовной жизни и быта раскольников. Ведущая роль в освещении этой проблемы принадлежала Западно-Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества⁵. Многие проблемы истории старообрядческого казачества и крестьянства За-

¹ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2001. С. 270–271.

² Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 155.

³ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 325; Он же. Инородческие школы и туркестанские русификаторы // Восточное обозрение. 1884. №33. С. 1–3; Он же. Русская государственность и инородческие вероисповедания // Восточное обозрение. 1884. №47. С. 8–10.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 39, 213–216; Он же. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 167–173; Он же. Инородческое прощещение на русском Востоке // Порядок. 1881. 4 ноября. С. 2.

⁵ Белослюдов А.К. К истории «Беловодья» // Записки ЗСО РГО. Омск, 1916. Т. XXXVIII. С. 32–35; Герасимов Б. В долине Бухтармы: (краткий ист.-этнограф. очерк) // Записки Семипалатинского подотдела ЗСО РГО. Семипалатинск, 1911. Вып. V; Гребенщиков Г. Река Уба и Убинские люди: лит.-этнограф. очерк // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. Т. XI. С. 1–80; Новоселов А. Отчет о поездке на Алтай. У старообрядцев Алтая: (предварительный отчет) // Известия ЗСО РГО. Омск, 1913. Т. I, вып. 2. С. 1–18; Поездка по Западной Сибири и Горный Алтайский округ Н.Н. Ядринцева (по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) // Записки ЗСО РГО. Омск, 1880. Кн. II. С. 1–147; Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки РГО. По общей географии (отделениям географии физической и математической). СПб., 1867. Т. I. С. 543–582; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСО РГО. Омск, 1899. Кн. XXVI; Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки ЗСО РГО. Омск, 1898. Кн. XXV. С. 1–64.

падного Казахстана нашли освещение в работах И.И. Железнова, А.Б. Карпова, Д.К. Зеленина, П. Самохина и др.¹

Таким образом, дореволюционная историография уделяла значительное внимание истории Русской православной церкви и региональным аспектам ее деятельности. Всю совокупность исследований по данной проблеме можно объединить в две большие группы. Первая была представлена работами церковных деятелей, вторая – светскими авторами, что в значительной мере определило направленность исследований, общеметодологические подходы и принципы в освещении тех или иных проблем истории церкви. Общим же для исследований первого и второго направлений дореволюционного периода являлась их эмпирическая направленность. История миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане не стала специальной предметной областью исследования в дореволюционной историографии. Лишь отдельные аспекты данной проблематики затрагивали в своих исследованиях православные священнослужители и миссионеры в контексте истории западносибирских епархий, компетенция которых в тот период распространялась и на приграничные территории современного Казахстана.

Становление советской исторической науки сопровождалось утверждением идеологического господства «научного атеизма», что во многом предопределило направленность и характер исследований. В частности, история Русской православной церкви фактически совсем не разрабатывалась.

Марксистско-ленинские методологические посылки, рассматривающие исторический процесс с позиции давления экономического фактора и последовательной смены социально-экономических формаций, привели к постепенному смещению акцентов в негативную сторону в оценке религиозной политики Российской империи по отношению к нерусским народам. Последовательно сменявшие друг друга в 20–30 гг. XX в. концепции «абсолютного зла» и «наименьшего зла» по проблемам присоединения нерусских народов к России привели к крайне отрицательной оценке результатов и последствий их пребывания в составе империи².

Общей тенденцией для исследований 20–30 гг. XX в. стало оперирование такими терминами, как «колониализм», «колониальная политика», а не «национальная политика». Взаимодействие центра и национальных окраин интерпретировалось крайне упрощенно, главным его содержанием представлялись экономические интересы самодержавия, успешную реализацию которых должна была обеспечить «политика русификации». Под ней понимался комплекс мер, направленных исключительно на культурно-языковую унификацию народов империи на основе распространения русского языка и православной культуры.

¹ Железнов И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. Уральск, 2006. Т. I–III; Зеленин Д.К. Черты быта усень-ивановских староверов // Известия Императорского общества любителей истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Казань, 1905, т. 21, вып. 3. С. 201–258; Карпов А.Б. Уральцы: ист. очерк. Уральск, 1911. Ч. 1.

² Аршарани А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931; Гачаян Г.А. Россия и народы Закавказья: очерки политической истории и взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1926; Галузо П.Г. Туркестан-колония: очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г. М., 1927; Драбкина Е. Национальный и колониальный вопросы в царской России. М., 1930; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: сб. арх. мат. Л., 1935; Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936. Сайфи Ф. Татары до Февральской революции: очерки по изучению местного края. Казань, 1930.

Таким образом, миссионерство Русской православной церкви представлялось советской историографией 20–30-х гг. XX в. как явление реакционно-политической направленности. Например, в монографии А.Г. Базанова, посвященной анализу развития системы миссионерского школьного образования среди хантов и манси, отрицалась позитивность просветительской работы православной церкви на севере Сибири¹. К аналогичным выводам по истории православного миссионерства среди «сибирских инородцев» пришли в своих исследованиях И.И. Огрызко и Н.А. Свешников².

Взаимодействие Русской православной церкви со старообрядчеством в 20–30-х гг. XX в. рассматривалось с позиции классового противостояния двух религиозных систем, что во многом предопределило идеологическую направленность незначительных по количеству исследований в этом направлении. Наиболее значимая работа по данной проблеме – монография Н.М. Никольского, в которой внимание акцентировалось на истории двоеверия и борьбы имперского государства против раскола и сектанства³. Преобладающей же в старообрядческой тематике стала этнографическая направленность⁴. История Русской православной церкви и ее миссионерская деятельность в Казахстане в 20–30-е гг. XX в. остались за рамками внимания исследователей.

В 50–60-е гг. XX в. в советской исторической науке утвердилась новая методологическая концепция, оправдывающая колонизаторские устремления России. Факт пребывания народов в ее составе трактовался теперь с позиции «добровольности вхождения» и «прогрессивности последствий» этого процесса. Такая установка позволила внести либеральные коррективы в изучение вопросов этноконфессиональной политики Российской империи, истории Русской православной церкви и ее миссионерской деятельности. Наряду с фискально-полицейскими факторами национальной политики были названы интеграционные устремления государственной власти⁵. Это позволило более объективно подойти к анализу социально-политических и религиозных мероприятий, исследовать методы и результаты христианизации, отойти от прежних их отрицательных оценок и выявить ряд позитивных следствий данного процесса. В частности, впервые в отечественной историографии тезис о мирном ходе колонизации территории Зауралья и добровольном принятии местными народами православия сформулировала в своем исследовании Н.А. Ми-

¹ Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936.

² Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941; Свешников Н.А. Христианизация народов Нижнего Приобья // Ученые записки Енисейского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 3. С. 91–111.

³ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004.

⁴ Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; Бухтарминские старообрядцы / АН СССР; под ред. С.И. Руденко. Л., 1930; Дологов А. Церковь и сектанство в Сибири. Новосибирск, 1930; Попов А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы-семейские. Иркутск, 1920.

⁵ Егунов Н.П. Колониальная политика царизма в первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVII – первой XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975; Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск, 1978.

ненко¹. В этом же контексте проблемы региональной религиозной политики Российской империи применительно к сибирским народам детально разрабатывали Л.М. Дамешек, В.Г. Марченко, Н.С. Модоров и др.²

Советские казахстанские исследователи, также поставленные в жесткие методологические рамки «формационного подхода» и «теории классовой борьбы», делали упор на этноэкономику и социальные связи, что фактически исключало возможность изучения узловых вопросов национальной политики Российской империи в отношении казахского населения. В религиоведении преобладала исламоведческая тематика и широкий спектр проблем истории ислама в казахском кочевом обществе³, его доисламских верований и культов⁴.

В изучении старообрядчества как отдельного аспекта истории Русской православной церкви в 50–70-е гг. XX в. сохранилась этнографическая направленность. В этот период активно исследовались его региональные варианты: «уральский», «зауральский», «сибирский», «забайкальский», «бухтарминский»⁵. Вопросам взаимодействия государства со старообрядцами уделялось незначительное внимание⁶, проблемы миссионерства новообрядной церкви среди них остались за рамками внимания советских исследователей.

Таким образом, в советской историографии изучение истории миссионерства Русской православной церкви осуществлялось в рамках жестких ме-

¹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 263–282.

² Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986; Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск, 1978.

³ Акназаров Х.З. Народное самосознание и религия. Алма-Ата, 1984; Бейсембиев К.Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1976; Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов: (ист.-пед. очерк). Алма-Ата, 1967; Шулембаев К. Образ жизни. Религия. Атеизм. Алма-Ата, 1983.

⁴ Амантурлин Ш. Пережитки анимизма, шаманства, ислама и атеистическая работа. Алма-Ата, 1977; Аргынбаев А. Семья и брак у казахов. Алма-Ата, 1973; Исаков А. Суевия и религиозные обряды. Алма-Ата, 1968; Востров В.В. К вопросу о пережитках древних верований у казахов // Известия АН КазССР. Сер.: История, археология и этнография. 1956. Вып. 2; Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991; Шулембаев К.Ш. Маги, боги и действительность. Алма-Ата, 1975.

⁵ Алексеенко Н.В. Бухтарминские были. Алма-Ата, 1981; Байдин В.И., Гриненко А.А. «Родословие поморского согласия» – сочинение по истории старообрядчества на севере Оренбургского края в XVIII–XIX вв. // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII – начало XX в. Свердловск, 1983. С. 141–142; Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 131–151; Она же. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 172–186; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. М., 1974; Он же. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 12–25; Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири / под ред. В.А. Александрова. М., 1974; Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982; Русские старообрядцы Сибири / отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарева. М., 1974.

⁶ Клибанов А.М. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

тодологических установок. В 20–30-е гг. XX в. для них была характерна крайне негативная оценка всей совокупности проводимых в религиозном контексте мероприятий Российской империи в отношении многочисленных «инородческих» народов. И хотя в 1950–1970-е гг. произошла некоторая либерализация в освещении данного спектра проблем, в целом советской историографии были присущи сдержанность в изучении национально-религиозной тематики, отсутствие фундаментальности и системности исследований в этом направлении. Не стала предметом специального исторического исследования и история миссионерства Русской православной церкви в Казахстане среди казахского и русского старообрядческого населения.

В зарубежной историографии XX в. значительным вкладом в изучение проблем истории Русской православной церкви является труд профессора А.В. Карташева¹. В отличие от большинства исследователей, А.В. Карташев положительно оценивал петровскую церковную реформу и «синодальный» период, считая, что они были совершенно «в духе времени», когда в европейских странах совершался «отрыв от обветшалой формы средневековой теократии» и происходила «всесторонняя секуляризация государства и духовной культуры».

Кроме того, исследователь был уверен, что церковная реформа Петра носила «крутой» и революционный характер, и, в отличие от большинства историков и публицистов, утверждал, что она не парализовала, а «стимулировала» творческие силы церкви. Это выразилось в десятикратном количественном росте православного населения империи на протяжении XVIII–XIX вв., в том числе за счет активного миссионерства, развития упорядоченной системы духовного образования, особого «духовного» направления в русской литературе, иконописи, церковной музыке и архитектуре².

Созвучны с идеями А.В. Карташева и выводы преподавателя Духовной семинарии при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США) Н.Д. Тальберга, представленные в его «Истории Русской церкви». Одна из глав исследования, посвященная истории церкви XIX в., носит название «Расцвет церковной жизни», важным фактором которого называется миссионерство Русской православной церкви³. Среди зарубежных исследователей церковной истории, так или иначе затрагивающих отдельные аспекты данной проблемы, следует назвать И.К. Смолича, Н.С. Арсеньева, С.Н. Булгакова, Н.М. Зернова, Г.Ф. Флоровского⁴.

В современной отечественной историографии произошло резкое увеличение численности исследований по истории Русской православной церкви, что было связано с ростом интереса российского общества к проблемам религиозного сознания, преломлением отношений между государством и церковью в сторону конструктивного диалога, признанием за ней значимой роли в истории России.

¹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т. 1–2.

² Там же. Т. 2. С. 327.

³ Тальберг Н.Д. История Русской церкви. М., 1997.

⁴ Арсеньев Н.С. Восточная церковь. Берлин, 1926; Булгаков С. Икона и иконопочитание. Париж, 1931; Он же. Православие. Париж, 1932; Зернов Н.М. Русские и их Церковь. Лондон, 1945; Он же. Москва – Третий Рим. Лондон, 1937; Он же. Три русских пророка (Хомяков, Достоевский, Соловьев). Лондон, 1944; Он же. Русское религиозное возрождение XX в. Париж; Лондон, 1973; Федотов Г.П. Святые Древней Руси. X–XVII вв. Париж, 1931; Он же. Русская религиозность. Киевское христианство. Гарвард, 1946; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937.

Историографический анализ современной литературы по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви позволяет разделить ее на две большие группы. Первая представлена исследованиями, в которых православное миссионерство рассматривается сквозь призму национальной политики Российской империи в этнорегионах¹. Под ней понимается «система, комплекс мер, направленных на создание универсальной модели социально-административного устройства, особой формы колониального управления, сложившейся в результате интеграции традиционных и государственных структур» и позволившей многочисленным народам империи «занять свою нишу в системе административно-экономических и социальных связей России»².

Исследователи этого направления выделили основные тенденции этноконфессиональной политики государства, ее этапы и эволюцию под влиянием ряда внутри- и внешнеполитических факторов. Термин «миссионерство» используется ими как синоним понятия «христианизация», которое рассматривается как политическое действие, один из элементов национальной политики государства, направленной на закрепление его позиций в этнорегионах.

В рамках второго направления изучается комплексная история отдельных православных миссий³ и их духовных лидеров⁴, анализируются различные аспекты их деятельности среди «инородцев» империи⁵, акцентируется внимание на истории миссионерства Русской православной церкви среди старооб-

¹ Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи. М., 1995; Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996; Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск, 1999.

² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XIX в.) // Вопросы истории. 1995. №9. С. 130–141; Он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С. 39–53; Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политической мысли и областническая мысль. Томск, 2005. С. 46.

³ Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Тюмень, 2001; Пивоваров Б.И. Издательская деятельность Алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1990; Храпова Н.Ю. Место и роль Алтайской духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828–1905 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989; Она же. Православное миссионерство на Алтае // Русская идея. Барнаул, 1992.

⁴ Есикова Е.М. Николай Сейфуллин – священник-миссионер Оренбургской епархии рубежа XIX–XX вв. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2006; Файзрахманов Л.М. Н.П. Остроумов – миссионер и исламовед // Известия АлтГУ. 2008. № 4/1. С. 146–150.

⁵ Вдовин Е.А. Христианизация как предпосылка возникновения народного православия мордвы // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 6. С. 67–71; Гончарова О.А. Культура, здоровье, здравоохранение. История народной медицины в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1999; Казагачева З.С. Зарождение алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1992; Коцюба Д.В. Алтайская духовная миссия. Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1988; Михайлова Е.Д. Церковная школа как инструмент миссионерской и религиозно-просветительской деятельности православной церкви в конце XIX – начале XX в. (на материалах Курской епархии) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. №110. С. 35–40; Хабибуллин М.З. Вклад преподавателей Казанской духовной академии в изучение истории, языка и этнографии нерусских народов Поволжья и Приуралья в 1854–1881 гг. // Вестник Восточного экон.-гос. ун-та. 2009. №6 (44). С. 84–91.

рядческого и сектантского населения¹. Предметной областью этой группы исследований стала также история православного миссионерства в Казахстане, нашедшая отражение в исследованиях И.В. Октябрьской, С.В. Горбуновой, О.Ю. Курныкина и др.²

Удачно предпринятой, на наш взгляд, попыткой синтеза эмпирических данных по истории миссионерства Русской православной церкви в Западной Сибири стала серия монографий и статей В.Ю. Софронова и выполненная им докторская диссертация. В ней представлено поэтапное развитие западносибирского православного миссионерства среди мусульманского, старообрядческого и сектантского населения, которое рассматривается как составная часть имперской национальной политики³.

В современной казахстанской историографии изучение истории Русской православной церкви и ее миссионерской деятельности актуализировалось в связи с приобретением Казахстаном статуса суверенного государства и пересмотром в этой связи узловых сюжетов истории казахского народа, особенно затрагивающих проблемы его пребывания в составе Российской империи и характера ее национальной политики.

Проблема христианизации казахского кочевого общества рассматривается казахстанскими исследователями в двух основных направлениях. Представители первого крайне отрицательно оценивают миссионерство Русской православной церкви в регионе в имперский период, отождествляя его с духовной экспансией царского правительства в отношении казахского народа. Ее целью представляется «завоевание умов инородцев, их обрусение и ассимиляция с русским народом». Конкретная реализация духовной экспансии выразилась в «русификации местного населения путем введения и широкого распространения русского языка, главным образом, в образовательной сфере и насильственной христианизации, заключавшейся в постоянном притеснении ислама, что создавало простор для проповеди православия»⁴.

Более либеральные оценки истории миссионерства Русской православной церкви в среде казахского населения нашли отражение в трудах представите-

¹ Гусейнова Т.Н. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди старообрядцев Забайкалья: XVIII – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; Далецкая В.Ю. Политика Российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001; Камзина А.Д. Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии. 1859–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

² Горбунова С.В. Крещеные казахи Российской империи // Центральная Азия и Сибирь. Барнаул, 2003, С. 247–252; Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий и межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики коммуникаций XVII – начала XX в. Новосибирск, 2008. С. 340–360; Она же. Казахи Алтая: этнополитические и социально-культурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004.

³ Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Тобольск, 2005. Ч. 1–3; Он же. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007.

⁴ Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX в.). Алматы, 2005. С. 9.

лей второго направления казахстанской историографии С.Е. Андриенко, Г.К. Батырханова, З.Е. Кабульдинова, Л.В. Тимофеевой, А.С. Тасмагамбетова¹. В них авторы рассматривают деятельность Русской православной церкви в Казахстане как ее закрепление в религиозном пространстве региона и налаживание межкультурного диалога.

Таким образом, историографический обзор истории миссионерской деятельности Русской православной церкви позволяет утверждать, что данная тема нашла отражение в российской и зарубежной историографии. В отдельные периоды развития исторической науки актуализировались и получали звучание те или иные аспекты этой проблемы, что было связано с господством определенных методологических установок. Однако в целом в рамках российской и зарубежной историографии история миссионерства Русской православной церкви в Казахстане не стала предметом специального научного исследования.

Целью исследования является всестороннее изучение истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. Ее реализация возможна при решении комплекса **задач**, направленных на:

- выявление этапов религиозной политики Российской империи в отношении казахского кочевого населения и определение места в ней православного миссионерства;
- определение причин и основных этапов православного миссионерства среди казахского населения;
- реконструкцию процесса институционального оформления миссионерских структур, созданных для работы среди казахского населения;
- выявление основных этапов формирования старообрядческого и сектантского населения Казахстана, их расселения на территории региона по соглашениям и толкам;
- определение основных форм и методов взаимодействия Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане;
- определение итогов миссионерской деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в Казахстане и выявление степени ее эффективности.

Объектом исследования выступает история Русской православной церкви в Казахстане.

Предмет исследования – миссионерская деятельность РПЦ в середине XIX – начале XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают середину XIX – начало XX в. Нижняя хронологическая грань определяется серединой XIX в., что

---

¹ Андриенко С.Е. Киргизская духовная миссия и казаки Сибирского войска в конце XIX в. (проблема взаимоотношений) // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул, 2007; Кабульдинов З.Е. Миссионерская деятельность правительственной церкви в Семипалатинской области и сопредельных российских округах // Состояние и перспективы развития краеведения в современных условиях: мат. республ. науч.-практ. конф. Павлодар, 2002. С. 224–230; Тасмагамбетов А.С. История конфессий Казахстана в конце XVIII – начале XX в.: распространение, организационное развитие и миссионерство (по материалам ислама и православия): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральск, 2009; Тимофеева Л.В. История Русской православной церкви на территории Семиречья (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007.

связано с началом организации православного миссионерства в казахской степи. Однако для более полной реконструкции причин этого процесса считаем необходимым сделать исторический экскурс в XVIII в. Именно в этот период начался процесс присоединения территории казахских жузов к Российской империи, сопровождавшийся появлением в регионе православного населения и возникновением русско-казахского межэтнического диалога. Кроме того, период важен для выделения этапов религиозной политики Российской империи в отношении казахского кочевого населения и определения причин и механизмов перехода этой политики в русло распространения православия среди него.

Верхняя хронологическая грань исследования определяется началом XX в., а именно, 1917 г. – падением Российской империи. В связи с приходом к власти большевиков началась реализация новых принципов функционирования государства, одним из которых стал принцип отделения церкви от государства. Это привело в конечном итоге к изменению статуса Русской православной церкви и прекращению ее миссионерской деятельности среди многочисленных народов бывшей Российской империи.

Территориальные рамки исследования охватывают регионы современной Республики Казахстан. При этом следует отметить, что в дореволюционный период этническая территория казахов была значительно уже и ограничивалась с середины XIX в. Уральской и Тургайской областями Оренбургского, Акмолинской и Семипалатинской областями Западно-Сибирского, Семиреченской и Сырдарьинской областями Туркестанского генерал-губернаторств, входившими в состав Российской империи. В 1882 г. территории Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей были объединены в одно Степное генерал-губернаторство с присоединением к нему Семиреченской области, изъятой из компетенции туркестанских властей. В 1896 г. Семиреченская область вновь была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Отдельные районы современной Восточно-Казахстанской области на протяжении 1865–1894 гг. входили в состав Бийского округа Томской губернии, а с января 1895 г. – в состав образованного Змеиногорского округа¹. Приграничные территории Северо-Казахстанской и Павлодарской областей современного Казахстана в дореволюционный период входили в состав Павлодарского уезда Омской области Томской губернии.

Методология и методика исследования. Общефилософской методологией исследования выступает теория локальных цивилизаций, получившая разработку в трудах Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби и др.² Автор исследования рассматривает историю России как историю локальной цивилизации. Ее генезис связывается с эпохой Петра I, завершение формирования характерных отличительных признаков – со второй половиной

---

¹ Административно-территориальное устройство Кольвано-Воскресенского (Алтайского) округа в 1726–1917 гг. // Режим доступа: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=56&sid=370732>

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008; Тойнби А.Дж. Постигание истории: сб. / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001; Он же. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. М., 2002; Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. Т. 1–2. М., 1998.

XVIII – началом XIX в., а последующие десятилетия, вплоть до современности, определяются как период ее интенсивного развития.

Важнейший отличительный признак российской цивилизации – полиэтничность и поликонфессиональность, что и определило ее «суперэтнический потенциал и соответствующий набор геополитических идей»¹, многоуровневость, многоплановость, масштабность. Она обладает общими чертами объективного порядка, такими как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией россиян, относящих себя именно к России.

По мнению ряда современных исследователей, мультикультурализм как один из главных компонентов российской цивилизации определил своеобразие российской национальной политики в имперский период. Ее основным содержанием стала интеграция многочисленных народов империи в политико-правовое и социально-экономическое пространство². А. Каппелер выделяет специфические черты реализации этой стратегии: требование центром политической лояльности от народов империи взамен на неприкосновенность их самобытности; сословность, т.е. осуществление инкорпорации национальных элит в имперское господствующее сословие; иерархичность этносов, которые входили в состав империи, в основе которой был заложен принцип социокультурной удаленности от русских³.

Учитывая отсутствие у Российской империи современных технологий управления национальным государством и социополитическую слабость восточных славян, К. Мацузато считает, что только использование принципа «разделяй и властвуй» («этнический бонапартизм») было возможным средством реализации национальной практики этого государства. Поэтому исследователь утверждает, что предложенные А. Каппелером характерные черты российской национальной политики в дополнении с «этническим бонапартизмом» и составляли суть этой политики⁴.

Отечественные исследователи также признают, что в целом Россия «выработала такой тип национальных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций»⁵. По их мнению, для российской национальной политики, наряду с лояльностью к этноэлитам, сохранением на инкорпорированных

¹ Панарин А. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 2.

² Каппелер А. Россия – как многонациональное государство. М., 1992; Он же. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 12; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. 1552–1917. Смоленск, 2000; Hagen M. Does Ukraine Have a History? // *Slavik Review*. Autumn, 1995. Vol. 54, №3.

³ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы, украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под ред. А.И. Миллера и др. М., 1997. С. 125–144..

⁴ Мацузато К. Польский фактор в правобережной Украине с XIX по начало XX в. // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 95.

⁵ Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003. С. 87.

территориях автономии и широким сотрудничеством центрального правительства с нерусскими элитами, был характерен еще ряд важных принципов.

Одним из них, например, Б.Н. Миронов называет принцип равенства этносов, отсутствие связи между национальным и социальным статусом, что нашло отражение в интернациональности политической, культурной, военной и научной элиты Российской империи. Более того, исследователь убежден, что для поддержания данного принципа государство пошло на создание некоторых преимуществ в правовом положении инородцев империи по сравнению с русскими (отмена для них воинской повинности, льготное налогообложение, свободная вертикальная социальная мобильность) и активное инвестирование местных национальных экономик и инфраструктур¹.

Главной целью столь либерального курса национальной политики России являлся этатизм – укрепление общей для империи государственности и сохранение ее территориальной целостности, выражавшееся в объективной тенденции – выработке единого стандарта подданства и управления². Эта цель наиболее актуализировалась для России к середине XIX в., когда завершилось присоединение в ее состав крупнейших этнорегионов: Степного края, Туркестана и Кавказа. Начавшаяся в 60-е гг. этого столетия модернизация политической и социально-экономической системы обозначила необходимость унификации «всех частей империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах»³.

Решить столь грандиозную задачу в условиях мультикультурализма российского общества было возможно только посредством проведения политики русификации, которая «означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию»⁴. В русле данной политики была реализована серия мероприятий, таких как формирование единой системы органов управления, распространение системы образования на русском языке в масштабах всей империи, закрепление государственной идеологии среди многочисленных народов, стержнем которой являлось представление о единстве монарха, православия и народа. Таким образом, политика русификации являлась не целью национальной политики, а средством, методом реализации интегральных устремлений государства. Она, безусловно, должна была способствовать увеличению социальной мобильности населения в этнорегионах, а русский язык выступить в роли языка модернизации.

Особенное место в политике русификации национальных окраин отводилось распространению православного мировоззрения, основанного на концепции «Москва – Третий Рим – Святая Русь». Расширение границ православного мира и увеличение численности православного населения, в том числе посредством развития миссионерства среди многочисленных народов империи, ставилось приоритетной задачей региональной составляющей национальной политики. В конечном итоге русское переставало быть этнической характеристикой: «все, что служит процветанию Православного госу-

¹ Миронов Б.Н. Историческая социология истории. СПб., 2009. С. 42–44.

² Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 50.

³ Миронов Б.Н. Историческая социология истории... С. 50.

⁴ Там же. С. 49.

дарства, является русским. Не русские – православный народ, а весь православный народ – русский, по имени православного государства»¹.

В связи с этим становится очевидной, на наш взгляд, необходимость отказаться от одностороннего толкования термина «русификация», рассматривающего его как совокупность мер, направленных на воспитание «привязанности к русской культуре, отказу от бытовых привычек, от традиционного образа жизни и системы миропонимания, от национальной культуры, т.е. от основ национальной идентичности»². Во-первых, в рамках реализации религиозно-государственной идеи, связанной с перманентным расширением границ православного мира за счет включения новых территорий, акцент делался на религиозной унификации. Это делало необходимым идентифицировать граждан империи не по этническому признаку, а по религиозному, национальное разнообразие государством игнорировалось.

Во-вторых, организация православного миссионерства среди многочисленных народов Российской империи проводилась в рамках образовательной системы Н.П. Ильминского, которая предполагала «интернациональное воспитание» русских: пропаганда идей православия должна была осуществляться на языке «инородцев», который предварительно изучали сотрудники православных миссий. Благодаря их исследовательской и просветительской деятельности были сохранены культура и языки многих народов, подвергшихся русификации.

В-третьих, в русле политики русификации в предложенной трактовке необходимо рассматривать и миссионерство Русской православной церкви в отношении старообрядчества и сектантства. Их носители рассматривались как один из дестабилизирующих факторов внутренней жизни государства, а приведение их в новообрядческое православие всегда являлось приоритетной задачей государства в свете его интеграционных устремлений и расширения границ православной империи.

Рассмотрение проблем миссионерства Русской православной церкви в Казахстане в рамках концепции интеграции национальных окраин в российское имперское пространство неизбежно приводит к необходимости перехода исследователя в плоскость разработок исторической этнологии и ее теории адаптации, которая рассматривается как одна из форм этнических процессов, выражающаяся в реакции этноса на изменение социального и культурно-политического пространства.

Основателями концепции адаптации (культурной экологии) принято считать Л. Уайта и Дж. Стюарта, которые утверждали, что каждый этнос и его культуру следует рассматривать как особую систему, эволюция которой определяется потребностью адаптации к специфическим для каждой культуры природно-географическим условиям³.

В отечественной этнологии теоретические и методологические проблемы концепции адаптации (этнической экологии) активно разрабатывались в 70-е гг. XX в. Процесс адаптации понимался в ней как «способность системы для самосохранения производить себя по принципу обратной связи в соответствии со средой» посредством культурных мутаций – возникновения внутри

¹ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 276.

² Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политической мысли и областническая мысль. Томск, 2005. С. 85.

³ Steward J.H. Theory of Culture Change. Urbane, 1955. P. 36–41.

культуры, которая по тем или иным причинам перестала удовлетворять потребности общества к внешней среде, системы инноваций (новшеств, нововведений)¹. Таким образом, в отличие от западного понимания адаптации как стабильного существования культуры, российская наука понимает его как «отражение динамизма человеческой культуры»².

Кроме того, российские исследователи рассматривают адаптацию не только как процесс приспособления к природной среде обитания, но и к «среде обитания социальной, сфере межобщественных (межплеменных, межгосударственных и т.д.) связей и взаимодействий, рассматриваемых в перспективе деятельности того или иного общества, с которым они (члены этого общества) вступают в контакты посредством институционализированных мирных, а также военных средств»³.

В этой связи становится возможным выделение нескольких уровней адаптации: материально-производственной, социальной и психологической⁴. Вполне очевидно, как считает С.В. Лурье, наиболее активно адаптивные уровни этноса могут проявляться «в ситуации изменения его традиционных политических, социальных, культурных условий существования»⁵.

Данный методологический подход используется для выявления механизма действия различных уровней адаптации применительно к этносам, проживающим на своей этнической территории, но попавшим под влияние внешних факторов (например, казахов, оказавшихся в XVIII–XIX вв. в совершенно новых политико-экономических реалиях, связанных с присоединением к Российской империи и характеризовавшихся трансформацией потестарно-родственных отношений и формированием имперской модели административно-правового, экономического и культурного развития), а также к этносам мигрирующим (например, восточнославянскому этносу, переселение которого в азиатскую часть Российской империи началось после отмены крепостного права).

Таким образом, в рамках заявленных методологических концепций диссертации основными выступают цивилизационный, междисциплинарный подходы. Первый из них позволяет рассматривать российское общество как особую полиэтничную и поликонфессиональную структуру и отслеживать ее динамику в контексте взаимоотношений с государством на протяжении имперского периода. Теория интеграции национальных окраин и теория адаптации в рамках междисциплинарного подхода позволяют объективно реконструировать процесс миссионерства Русской православной церкви в Казахстане, выявить его интеграционные возможности и конкретные результаты, применительно к казахскому и славянскому этносу.

Вышеназванные методологические принципы определили и соответствующий набор методов исследования. Среди них историко-генетический и историко-сравнительный. Историко-генетический метод направлен на изучение

---

¹ Маркарян Э.С. Основные проблемы этнической экологии // Этнографическое обозрение. 1983. №1. С. 8.

² Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1987. С. 16.

³ Маркарян Э.С. и др. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурного исследования (на примере армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 9.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 125.

предмета исследования в исторической динамике с момента образования православных миссий в Казахстане до их ликвидации. Историко-сравнительный метод использовался для проведения сравнительного анализа деятельности православных, раскольнических и исламских миссионеров в Казахстане, православного миссионерства среди казахского населения и других народов – мусульман, язычников и буддистов, проживавших в XIX – начале XX в. в азиатской части Российской империи. Результаты использования данного исследовательского метода позволят определить черты сходства и отличия миссионерства Русской православной церкви среди различных инородческих народов империи, в том числе среди казахов, определить особенности миссионерства среди народов с монорелигиозной и полирелигиозной системой, а также поставить вопрос о его результатах, степени эффективности и решить его.

Источниковая база исследования. Источники по истории православно-го миссионерства в Казахстане в дореволюционный период представлены пятью группами.

1. Законодательные и нормативные акты. Основная масса источников этой группы включена в Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи и входящие в них Уставы духовных дел иностранных исповеданий 1857 и 1896 гг.¹ Некоторая часть источников этой группы нашла отражение в опубликованных сборниках документов и материалов².

Этот тип источников позволяет определить правовой статус Русской православной церкви, других конфессий и религиозных течений в Российской империи, принципы их взаимоотношений, конкретное содержание религиозной политики России в Казахстане, в хронологической последовательности реконструировать ее эволюцию и этапы, выявить механизм смены ее приоритетов, а также определить место и роль в ней православного миссионерства, организованного в отношении населения региона.

2. Документы делопроизводства. Основной массив источников этой группы выявлен автором исследования в архивах Российской Федерации (ГААГ, ГАТО, ГАОО, ГАОрО, РГИА) и Республики Казахстан (ЦГА РК) и впервые введен в научный оборот. Кроме этого, определенное количество документов делопроизводства по истории миссионерства Русской православной церкви в Казахстане нашло отражение в сборниках документов и материалов³.

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 1–40; 2-е изд. СПб., 1871–1880. Т. 1–53; 3-е изд. СПб., 1881–1817. Т. 1–25; Свод законов Российской империи. Т. II, ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Типография 2-го отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1857; Свод законов Российской империи. Т. II, ч. 1: Устав духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896.

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.

³ Документы по истории церкви и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1997; Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов Томского севера в системе российской государственности (начало XIX – 30-е гг. XX в.). Томск, 2007; В составе Томской губернии // История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области. XIX – начало XX в. Горно-Алтайск, 2004; Из истории казахов: сб. / сост. С. Ешмухамбетов, С. Жекеев. Алматы, 1998; История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. док. и мат. Алматы, 2002; Святогорье. История Республики Алтай в документах ЦХАФ АК. XVII – начало XX в. Горно-Алтайск, 2000.

По характеру происхождения документы делопроизводства можно объединить в несколько подгрупп.

2.1. Материалы делопроизводства Синода и обер-прокурора Синода (РГИА. Ф. 796 – Канцелярия Синода (1721–1918 гг.), Ф. 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода (1836–1917 гг.)) представлены ежегодными отчетами обер-прокурора Синода о состоянии православной церкви в России и за рубежом, а также распоряжениями, постановлениями Синода. Документы данной подгруппы являются ценным источником по истории православного миссионерства в Казахстане, поскольку позволяют выявить основные этапы развития православного миссионерства в Казахстане и сравнить его результаты с итогами деятельности аналогичных миссий азиатских епархий Российской империи,

2.2. Материалы делопроизводства Тобольской, Томской, Оренбургской, Туркестанской, Омской консисторий (ГАОО. Ф. 3 – Главное управление Западной Сибири (1822–1882 гг.), Ф. 16 – Омская духовная консистория (1895–1921 гг.); ГАОрО. Ф. 173 – Оренбургская духовная комиссия, Ф. 175 – Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества; ГАТО. Ф. 170 – Томская духовная консистория; РГИА. Ф. 796 – Канцелярия Синода (1721–1918 гг.), Ф. 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода (1836–1917); ЦГА РК. Ф. 44 – Семиреченское областное правление, Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора, г. Омск). Среди них:

- нормативные акты, распоряжения и директивы епископов и консисторий;
- протоколы заседаний консисторий, отражающие текущее состояние дел епархий, в том числе в вопросах организации миссионерства, и позволяющие отслеживать ситуацию в динамике;

- делопроизводственная переписка канцелярий епископов и консисторий с чиновниками местных и центральных администраций, позволяющая определить характер и содержание взаимоотношений светской и духовной власти по целому спектру проблем, связанных с деятельностью Русской православной церкви в Казахстане;

- ежегодные отчеты о состоянии епархий содержат ценную информацию по развитию епархиальных институтов Русской православной церкви в Казахстане, ее церковноприходскому и школьному строительству, позволяют определить совокупность проблем этого процесса, выявить особенности этноконфессиональной ситуации в регионе, классифицировать старообрядчество и сектанство по толкам и согласиям, их численность, локализацию на территории епархий, организационные структуры. Кроме этого, в отчетах представлены характеристики миссионерских структур Казахстана, позволяющие проследить их в динамике и представить результаты деятельности.

2.3. Материалы делопроизводства миссионерских структур Русской православной церкви в Казахстане (ГААК. Ф. 164 – Алтайская духовная миссия Томского епархиального управления (1830–1919 гг.); ГАОО. Ф. 16 – Омская духовная консистория (1895–1921 гг.); ГАОрО. Ф. 173 – Оренбургская духовная комиссия, Ф. 175 – Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, Ф. 202 – Оренбургский епархиальный комитет по удовлетворению духовных потребностей переселенцев; ГАТО. Ф. 170 – Томская духовная консистория, Ф. 184 – Алтайская духовная миссия (1865–1917 гг.); РГИА. Ф. 796 – Канцелярия Синода (1721–1918 гг.); ЦГА РК. Ф. 25 – Туркестанское областное правление, Ф. 44 – Семиреченское областное правление,

Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора, г. Омск, Ф. 115 – Туркестанский епархиальный комитет по устройству церковного быта переселенцев, Ф. 234 – Совет Семиреченского православного братства, Ф. 387 – Семипалатинское духовное правление):

- ежегодные отчеты Православного миссионерского общества, сведения которых важны для определения динамики развития миссионерских структур региона и результатов их деятельности;

- материалы Всероссийских и региональных миссионерских съездов, отражающие поиск Русской православной церковью механизмов повышения эффективности православного миссионерства и реализации интеграционных устремлений государства;

- протоколы заседаний, отчеты епархиальных комитетов Православного миссионерского общества Оренбургской, Омской, Туркестанской епархий, комитетов по устройству религиозно-нравственных нужд переселенцев, комитетов по устройству быта новокрещенных. Они важны для выявления комплекса проблем, возникавших перед Русской православной церковью в ходе реализации ею миссионерских задач и механизмов их преодоления;

- отчеты антимусульманских, антираскольнических и антисектантских миссий Казахстана, миссионеров Киргизских миссий, окружных и областных миссионеров, отчеты миссионерских братств, просветительских обществ. Значительно конкретизируют историю православного миссионерства в регионе, позволяют определить административно-территориальное устройство миссий, кадровый потенциал, динамику миссионерского школьного строительства, содержание конкретных форм и методов деятельности служащих миссий, характера взаимодействия с представителями других конфессий региона.

2.4. Материалы делопроизводства светских центральных и местных администраций (РГИА. Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий (1833–1914 гг.); ГАОО. Ф. 3 – Главное управление Западной Сибири (1822–1882 гг.); ЦГА РК. Ф. 4 – Областное правление Оренбургскими киргизами, Ф. 44 – Семиреченское областное правление, Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора, г. Омск) объединили распоряжения и постановления, исходящие из МВД и его Департамента духовных дел иностранных исповеданий, их переписку с администрациями Оренбургского, Западно-Сибирского, Туркестанского, Степного генерал-губернаторств, а также всеподданнейшие отчеты военных губернаторов областей, Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского генерал-губернаторов, канцелярий Алтайского горного округа и казачьих войск Казахстана.

Подгруппа позволяет проследить дискуссию центральных и региональных властей по определению стратегии национальной политики в Казахстане, представить ее локальные варианты, выявить позиции властей на проблемы развития православного миссионерства в регионе, сферы сотрудничества с церковными властями в этом направлении, конкретные механизмы ограничения деятельности исламских и раскольнических структур.

3. Публицистика (периодические издания дореволюционного периода). К источникам этой группы относятся специализированные миссионерские издания Русской православной церкви: «Миссионер», «Православный благовестник», «Противомусульманский сборник», «Православный собеседник», «Миссионерское обозрение», «Кормчий» и др. Среди местных периодических изда-

ний наибольший интерес по теме исследования представляют «Епархиальные ведомости», издававшиеся Оренбургской епархией с 1975 г., Томской епархией с 1880 г., Омской епархией с 1895 г., Туркестанской епархией с 1898 г. и выходявшие два-четыре раза в месяц. На страницах «Епархиальных ведомостей» представлен широкий круг материалов, характеризующих историю, методы и формы работы миссионерских структур на территории Казахстана.

4. Статистические источники представлены «Справочными книгами», издававшимися епархиальными властями Томской, Оренбургской, Туркестанской и Омской епархий¹, а также «Обзоры» областей и «Памятные книжки» городов Степного и Туркестанского генерал-губернаторств². Данная группа источников позволяет получить информацию о количественных характеристиках деятельности Русской православной церкви в Казахстане: проследить динамику строительства приходской системы в регионе, численность прихожан, уровень образования причтов, охарактеризовать процессы развития церковного образования и монастырского строительства. В них представлены также данные по этносоциальной и конфессиональной структуре населения региона, развитию православного миссионерства, позволяющие частично реконструировать процесс институционального оформления православных миссий, определить количественные показатели обращения в православие казахов, старообрядцев и сектантов.

5. Документы личного происхождения (дневники, воспоминания, записки), несмотря на определенный субъективизм многих из них, содержат ценную информацию по истории религиозной политики Российской империи и миссионерства Русской православной церкви в Казахстане. Данную группу источников представляют «Записки» миссионеров Киргизских миссий³, воспоминания чиновников местных администраций и духовных деятелей⁴, а также исторические и путевые очерки исследователей и путешественников⁵.

¹ Памятная книжка Семипалатинской области за 1902 г. Семипалатинск, 1903; Справочная книга Томской епархии. Томск, 1903; Справочная книга Томской епархии за 1909–1910 гг. Томск, 1911.

² Обзоры Акмолинской области за 1894, 1895, 1912 гг. Акмолинск, 1894–1895; Обзор Семипалатинской области за 1911 г. Семипалатинск, 1912; Обзоры Томской губернии за 1882, 1885, 1889, 1894 гг. Томск, 1884–1812; Обзор Тургайской области за 1911 г. Оренбург, 1915; Обзор Уральской области за 1910 г. Уральск, 1912.

³ Елисеев Е. Записки миссионера Буконьского стана Киргизской миссии за 1892–1898 гг. СПб., 1900; Он же. Меры для улучшения постановки и более успешной деятельности миссии среди киргизов // Православный благовестник. 1899. Т. II. №11. Кн. 1; Сильковский Ф. Записки миссионера Черно-Ануйского стана Алтайской миссии. Томск, 1882.

⁴ Остроумов Н.К. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания. Ташкент, 1911; Он же. К.П. фон Кауфман. Личные воспоминания и исторический очерк народного образования в крае. Ташкент, 1899; Он же. Колебания русского правительства во взглядах на миссионерскую деятельность Православной русской церкви. Казань, 1910; Он же. Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман преимущественно Средней Азии // Православное обозрение. 1880. Т. II. Июнь–июль.

⁵ Голубев А.Ф. Очерк из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край: библиографический очерк. Омск, 1900; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1; Путешествие Генриха Мозера // Царская колонизация в Казахстане (по материалам русской периодической печати XIX в.). Алматы, 1995; Рычков Н.П. Дневниковые записки капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772; Яковлев Н. (Коншин Н.Я.). По Усть-Каменогорскому уезду: путевые заметки // Семипалатинские областные ведомости. 1898. №44–45; 1899. №4.

В целом использованная источниковая база достаточно информативна. Анализ источников в совокупности и их интерпретация в историческом контексте позволяют решить поставленные задачи и в полном объеме реконструировать историю миссионерства Русской православной церкви в Казахстане в дореволюционный период.

Научная новизна исследования.

1. Представлена авторская концепция, объединившая теоретические разработки обществоведов в области изучения Российской империи как полиэтничного и поликонфессионального общества. В рамках данной концепции предлагается рассматривать политику России в Казахстане как интегральную, направленную на включение региона в общеимперское политико-правовое, социокультурное и экономическое пространство. Политика русификации определяется как совокупность мероприятий, направленных на обеспечение успешной интеграции, среди которых распространение системы образования и делопроизводства на русском языке, вовлечение этноэлиты в органы местного управления, ограничение сферы влияния ислама и других конфессий, закрепление позиций православия, в том числе с помощью миссионерской деятельности Русской православной церкви.

2. Категория «миссионерство» в представленной концепции приобрела концептуально новое звучание. Миссионерскую деятельность Русской православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. предлагается рассматривать как часть правительственного курса России, направленного на интеграцию его населения, как тюркского (казахского), так и восточнославянского (русского и украинского), в социокультурное пространство империи, посредством организации и проведения широкомасштабной религиозно-пропагандистской, религиозно-образовательной и религиозно-просветительской деятельности. Таким образом, объектом миссионерской деятельности Русской православной церкви в регионе выступало не только казахское, но и православное население региона – старообрядческое, новообрядческое и сектантское.

3. Значительно расширяются знания о миссионерстве Русской православной церкви в дореволюционный период в отдельном этнорегионе. В исследовании на основе анализа широкого круга источников и обобщения историографического опыта отечественной и зарубежной исторической науки впервые комплексно анализируется история миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. как самостоятельная научная проблема. Процесс ее организации рассмотрен на широком культурно-историческом фоне, реконструированы ее причины как внутреннего, так и внешнего порядка, предложена и научно обоснована периодизация, определены особенности каждого из этапов и в целом специфические особенности и локальные тенденции.

4. Впервые в отечественной и зарубежной историографии предпринята попытка развернутого исторического анализа деятельности миссионерских антиисламских и антираскольнических структур, региональных комитетов Православного миссионерского общества, братств и религиозно-просветительских организаций, созданных на территории Казахстана во второй половине XIX – начале XX в., выявления основных тенденций их развития, опре-

деления места и значения каждого в системе организации и реализации миссионерских задач.

5. Определен ряд факторов объективного и субъективного порядка, оказавших значительное влияние на конечный итог реализации интегральных задач Русской православной церкви и ее миссионерской деятельности в Казахстане. Среди них впервые в историографии рассмотрены не только экономические, но и социальные, духовно-нравственные, этнопсихологические факторы, характеризующие общее состояние казахского и славянского населения региона и их готовность интегрироваться в общеимперское пространство.

6. Сконструирована модель определения эффективности миссионерской деятельности Русской православной церкви и реализации ею главной задачи – интеграции Казахстана в имперское социокультурное пространство. Модель представляет оценочную шкалу, которая состоит из количественных (численность станом, миссий, миссионерских школ, штата миссий, количества крещений и т.д.) и качественных (степень трансформации традиционного религиозного сознания новообращенных) критериев. Их сравнение с результатами миссионерской деятельности Русской православной церкви в других этнорегионах Российской империи позволяет объективно оценить степень ее эффективности в Казахстане.

7. Введен в научный оборот ранее не привлекавшийся комплекс источников из центральных и региональных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан. С их помощью осуществлена реконструкция истории создания и деятельности миссионерских структур Казахстана, миссионерских обществ, рассмотрены процессы государственного регулирования миссионерской деятельности, выявлены позиции местной администрации и епархиальных властей на проблемы миссионерства среди казахского и русского населения региона, определены уровни взаимодействия гражданских и церковных властей в этом вопросе.

8. Выводы исследования имеют теоретическое значение для оформления регионалистики как научного направления современной исторической науки.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Казахстана и юга Западной Сибири, истории России имперского периода, при разработке общих и специальных лекционных учебных курсов, в краеведческой работе. Кроме того, отдельные результаты могут учитываться при разработке и реализации национальных проектов, направленных на развитие этнорегионов Российской Федерации, а также в процессе решения интеграционных задач на постсоветском пространстве.

Апробация результатов. Основные результаты исследования были доложены на конференциях различного уровня: международных (Алматы, Семипалатинск, Усть-Каменогорск), всероссийских и региональных (Новосибирск, Томск, Омск, Красноярск, Барнаул), а также нашли отражение в двух монографиях, учебном пособии и серии научных статей, общим объемом 48,6 п.л., и использовались автором для разработки лекционного курса «Актуальные проблемы истории Казахстана», читаемого для студентов исторического факультета АлтГУ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В соответствии с целью и задачами исследования построена **структура диссертации**, состоящая из введения, четырех глав, заключения, приложения, списка сокращений и библиографии.

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, представлен историографический анализ, сформулированы цель и задачи, объект и предмет диссертационной работы, определяются ее хронологические и территориальные рамки, методология и методы исследования, представлены источниковая база, научная новизна, практическая значимость, апробация результатов.

В **первой главе «Религиозная политика Российской империи в Казахстане в XVIII – начале XX в. и место в ней православного миссионерства»** выявляются и анализируются этапы религиозной политики России в Казахстане с момента его присоединения в состав империи до революционных событий 1917 г.

В **первом параграфе** представлена характеристика основных тенденций религиозной политики Российской империи в Казахстане в XVIII – первой половине XIX в. В 30-е гг. XVIII в. казахской политической элитой было инициировано присоединение Казахстана к Российской империи. Благодаря своеобразному историко-культурному развитию региона на протяжении предшествующего, средневекового периода здесь активно шел процесс исламизации казахского общества, в результате которого сложился собственный вариант регионального (бытового/народного) ислама, характеризующийся синкретизмом мусульманских и языческих культов.

Присоединение Казахстана к России по времени совпало с началом реализации политики, направленной на ограничение позиций ислама и создания благоприятных условий для христианизации мусульман империи. Серией законодательных актов 30-х – начала 50-х гг. XVIII в. была запрещена исламская пропаганда среди «инородческих народов» империи, ставилась под правительственный контроль деятельность мусульманских духовных лидеров, вводились ограничения на строительство исламских культовых учреждений и определялись поощрительные меры для перешедших в православие.

Тенденции, характерные для религиозной политики государства в отношении ислама в 30–60-е гг. XVIII в., практически не затронули население Младшего и Среднего жузов, что объяснялось не только отсутствием исламских религиозных учреждений на их территории и неразвитостью иерархической структуры слоя священнослужителей. В этот период перед Российской империей стояли более актуальные задачи военного и экономического закрепления в регионе в связи со сложными российско-джунгарскими, а позднее российско-цинскими отношениями.

Ситуация изменилась в 70-е гг. XVIII в. после разгрома Джунгарского ханства и последовавшей стабилизацией и урегулированием пограничных вопросов между Россией и Китаем. Эти события способствовали началу интеграционных процессов, связанных с вовлечением казахов в российское имперское пространство. Важной составляющей нового курса национальной политики стала религиозная составляющая, направленная на закрепление административными методами ислама среди казахского населения.

При этом следует подчеркнуть, что изменение позиций государства к вопросам религиозного развития казахского общества во многом определялось трансформацией общего курса империи в отношении ислама. В период правления Екатерины II был провозглашен принцип веротерпимости и в его рамках признаны права мусульман империи на религиозную самостоятельность, началась интеграция исламских институтов в общеимперскую структуру.

Исламизация казахского общества, наряду с ее интеграционным потенциалом, направленным на включение его в общеимперские исламские структуры, такие, например, как Оренбургское мусульманское духовное собрание, преследовала и другие цели. Во-первых, исламизация должна была снизить межэтнические разногласия, возникающие на почве землепользования между поволжскими мусульманскими народами – башкирами, татарами, с одной стороны, и казахами Младшего жуза – с другой. Во-вторых, она мыслилась как масштабный культуртрегерский проект, в ходе реализации которого, посредством закрепления за определенным родовым коллективом конкретной мечети, предполагалось перевести казахов на оседлый образ жизни и затем перейти к распространению православия среди него.

Проводником правительственного курса по ускоренной исламизации казахского общества стал генерал-губернатор Оренбургского края О.А. Игельстром. Благодаря его активной деятельности в приграничной полосе между кочевьями казахов и южно-сибирскими окраинами империи на рубеже XVIII–XIX вв. началось строительство мечетей, заметно активизировавшееся в первой половине XIX в., среди казахского населения стала формироваться социальная группа мусульманских служителей культа, возросло количество паломничеств к святым местам. Все это свидетельствовало о закреплении позиций ислама в казахской степи.

Учитывая тенденции религиозной политики России в отношении казахов, на протяжении XVIII – первой половины XIX в. вопрос об организации православного миссионерства в степи не ставился, даже несмотря на то, что к этому периоду Русской православной церковью был накоплен значительный опыт ведения религиозной пропаганды среди «инородческого» населения империи. Более того, переход кочевников в христианство сдерживался искусственно и сопровождался определенными бюрократическими препятствиями.

Однако объективные процессы социокультурного сближения русского и казахского народов в приграничной зоне Южной Сибири и Казахстана способствовали принятию православия некоторой частью кочевников. Главной причиной данной тенденции выступал экономический фактор: массовое разорение казахов, связанное с процессом экспроприации пастбищ и передачей их в пользование казакам Уральского и Сибирского войск, привело к кризису кочевого хозяйства и необходимости поиска новых форм и источников существования. В свою очередь, казачество, занятое несением воинской службы, было заинтересовано в привлечении в свои хозяйства казахов в качестве батраков.

К началу XIX в. относится и появление первых законодательных актов империи, направленных на поощрение распространения православия среди казахов. Так, «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. для них вводились льготы на получение земельного надела при условии перехода в православие, а в 1854 и 1863 гг. были утверждены новые правила принятия христианства, значительно

упрощавшие данную процедуру. Однако в целом масштабы обращения в православие были незначительными: начиная с 1838 г. число крестившихся в Младшем жузе колебалось в среднем от 8 до 30 человек ежегодно. Эти же цифры фиксировались и в Среднем жузе: в 1860 г. в Омском и Петропавловском округах крещение приняли 28, в 1861 г. – 17, в 1863 г. – 36, в 1864 г. – 6 человек.

Несмотря на наметившуюся тенденцию перехода пограничных казахов в православие, в целом местные светские и духовные власти проявляли сдержанность по проблеме открытия православной миссии в казахской степи. Их позицию по этому вопросу очень четко сформулировал оренбургский краевед и знаток истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавский, который писал, что в первой половине XIX столетия «...было опасно делать какие-либо попытки, чтобы не возбудить подозрительного недовольтства, так как посягательство на их (казахов. – *Ю.Л.*) самобытность веры могло бы отшатнуть их от русского подданства»¹.

Во втором параграфе анализируются факторы и причины изменений вектора религиозной политики Российской империи в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в., выявляются ее общие тенденции, определяются место и роль православного миссионерства в новой стратегии религиозной имперской политики. Со второй половины XIX в. отношение правящих кругов Российской империи к проблеме российского ислама подверглось серьезной трансформации. Важнейшим ее внешнеполитическим фактором стало расширение границ империи и включение в его состав регионов со значительным по численности мусульманским населением, в том числе Южного Казахстана и Средней Азии. Серьезные последствия для судьбы российского ислама имели весьма неудачная для России Крымская война 1853–1856 гг., которая значительно ослабила позиции империи в «восточном вопросе», а также серия антицинских мусульманских восстаний в Сынцзяне 1864–1871 гг., участниками которых выступили и казахи.

В результате, как справедливо отмечает А.В. Ремнев, у определенной части правящих кругов империи «стало формироваться негативное восприятие российского ислама». Подъем национального сознания и общественно-политической активности мусульман империи стал рассматриваться как фактор, «способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи»².

В связи с этим дискуссия о дальнейшей судьбе российского ислама разворачивалась в двух основных направлениях. Ее участники исходили из того, что, во-первых, Российская империя – полиэтническое и поликонфессиональное государство и, во-вторых, в условиях начавшейся во второй половине XIX в. модернизации всей имперской системы, связанной с необходимостью формирования общероссийского рынка, региональной производственной специализацией, освоением природных и демографических ресурсов национальных окраин, государство должно учитывать интересы этих народов. Важнейшей задачей империостроительства должно было стать «реформирование национальных окраин в рамках интеграционных процессов, направленных на

¹ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. СПб., 1903. Вып. 2. С. 453.

² Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. №4. С. 7.

экономическую и социокультурную инкорпорацию народов этих окраин в общеимперское пространство, и создание ряда важных компонентов государственно-политического механизма современного типа»¹.

При этом либерально настроенные круги российского общества настаивали на создании системы качественно новых этноконфессиональных связей империи с учетом этнического своеобразия населяющих ее народов, призванной обеспечить стабильность в государстве. Таким образом, исключалась возможность наступления государства на религиозную самобытность неправославных народов путем развития православного миссионерства. И, как отмечает М.А. Батунский, важным фактором их дальнейшего развития должно было стать просвещение, «интерпретируемое всецело в европогенном плане». Естественно в этой связи, что «русская христианская (европогенная) цивилизация рассматривалась как модель, единственно приемлемая для приобщения народов империи к состоянию просвещенности»².

Консерваторы заняли более радикальную позицию: ими был предложен проект, направленный на религиозно-культурную унификацию многочисленных народов империи на основе русского языка, культуры и православия. Они во многом способствовали формированию исламофобских настроений в российском обществе, подвергли резкой критике религиозную политику России, проводимую на рубеже XVIII – первой половины XIX в., направленную на поддержание и развитие ислама, настаивали на скорейшем создании системы противодействия его распространению в масштабах всей империи. Идея развития православного миссионерства, русского языка и культуры среди инородческих народов империи стала центральной.

Региональные варианты нового правительственного курса в отношении ислама во многом определялись позицией местных администраций. В Казахстане генерал-губернаторы и их окружение руководствовались в своих действиях и суждениях конкретной общественно-религиозной ситуацией, характерной для того или иного региона.

Так, администрации Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, расширявших свою юрисдикцию на кочевья казахов Младшего и Среднего жузов, являлись сторонниками активного наступления на ислам и принятия жестких мер, направленных на ограничение его распространения в степи. Они исходили из того, что в результате проведения административно-территориальных реформ 20–60-х гг. XIX в. происходит успешная интеграция данного региона в общеимперское пространство. Исламский фактор, учитывая близость региона к мусульманским центрам Поволжья, мог выступить, по их мнению, дестабилизирующим фактором этой интеграции. Поэтому главную задачу религиозной политики России в данном регионе они видели в дезинтеграции казахского мусульманского движения и вычлениении его из общемусульманского российского движения.

Данная позиция местных властей нашла отражение в серии административно-территориальных реформ 60–80-х гг. XIX в. В ходе их реализации духовные дела казахов были изъяты из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания и переданы местным муллам, которые стали подчиняться Гражданскому управлению и Министерству внутренних дел. Брач-

¹ Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Ч. II. С. 401.

² Там же. С. 402.

ные и семейные дела казахов вошли в компетенцию народного суда биев. Обязанности мулл не были определены, что лишало их статуса представителей органов управления, они также отстранялись от ведения метрических книг, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Закон предусматривал наказание мулл за вмешательство в названные выше дела, как за самовольное присвоение власти.

Как альтернативу исламу чиновники местных администраций рассматривали распространение среди казахского населения православных идей. Однако в 60–80-е гг. XIX в. они демонстрировали осторожность и взвешенность в этом вопросе и предпочитали комплексно изучать ситуацию, не принимать быстрых и непродуманных решений, считая, что миссионерам будет небезопасно вести деятельность среди казахского населения. Среди факторов преждевременности открытия православной миссии назывались дисперсность проживания кочевников, их исламский фанатизм и отсутствие расположенности к христианству.

Процесс образования православной миссии для казахов был значительно активизирован с приходом на пост генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского, который, в отличие от предшествующих ему администраторов, являлся активным сторонником начала миссионерства в степи. В результате в 80–90-е гг. XIX в. в регионе была организована деятельность Киргизских православных миссий, задачей которых стала антиисламская пропаганда среди казахского населения.

В Туркестанском генерал-губернаторстве была апробирована другая модель политики в отношении ислама. Она разрабатывалась с учетом того, что его позиции в общественно-политической и культурной жизни населения Старшего жуза были значительно прочнее, чем в Степном крае. Ведущую роль в конкретном наполнении содержания религиозной политики в Туркестане сыграл его первый генерал-губернатор К.П. Кауфман. Он являлся противником организации православного миссионерства в регионе и активного наступления на исламские институты. По его мнению, необходимо было признать принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у народов Туркестанского генерал-губернаторства учреждений. При этом для интеграции региона в имперское пространство он считал необходимым создание сети российских образовательных учреждений с совместным обучением русских и казахских детей – «русско-туземных» школ. К.П. Кауфман рассчитывал, что если бы удалось решить эту проблему и в значительных масштабах вовлечь в российскую образовательную систему казахское население, это дало бы повод «навесить на оседлых мусульман (сартов, таджиков, татар) ярлык консерваторов и реакционеров, противопоставив им просветленных европейской ученостью, в громадной мере русифицированных и политически лояльных казахов»¹.

Концептуальные положения К.П. Кауфмана по вопросам религиозной политики в Туркестанском генерал-губернаторстве были реализованы в период его руководства краем с 1867 по 1882 г. Главным ее содержанием стал от-

---

¹ Цит. по: Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Ч. II. С. 404.

каз от открытого и прямого вмешательства в религиозную жизнь мусульман и форсированного демонтажа исламских структур. Продвижение российских войск в глубь Средней Азии и расширение границ Туркестанского генерал-губернаторства неизменно сопровождалось предоставлением местному населению гарантий со стороны России свободы отправления религиозного культа, а также неприкосновенность их веры и обычаев.

В итоге в российском Туркестане во второй половине XIX в. была сохранена система мусульманского образования и шариатских судов, наблюдался рост численности мечетей, строительство которых в некоторых случаях осуществлялось за счет государства. Важным фактором религиозной политики в Туркестанском крае явилось и то обстоятельство, что местные власти считали нецелесообразным создание православной миссии. Поэтому, несмотря на то, что в Степном крае эта идея была реализована в 80–90-е гг. XIX в., в Туркестане религиозная пропаганда Русской православной церкви среди казахского населения началась только перед началом Первой мировой войны.

Вторая глава «Миссионерство Русской православной церкви среди казахского населения (вторая половина XIX – начало XX в.)», состоящая из двух параграфов, посвящена сравнительному анализу деятельности православных Киргизских миссий, созданных в Оренбургской, Омской и Туркестанской епархиях, выявлению основных этапов их развития, общих и особенных тенденций реализации миссионерских задач.

В первом параграфе определены этапы функционирования православных Киргизских миссий Оренбургской и Омской епархий, определены общие и отличительные особенности в понимании ими цели и задач деятельности, детерминированные конкретно-исторической ситуацией, имевшей место в регионе, проведен сравнительный анализ структурных элементов миссий.

Этап становления православных миссионерских структур Казахстана – 1881–1895 гг. – был связан с организацией деятельности Киргизской миссии среди казахского населения, кочующего в пределах Южного Алтая, на территории современной Восточно-Казахстанской области. В учредительных документах миссия получила название «антиисламской», что определило содержание ее конкретной работы – ограничение влияния ислама на жизнь кочевников и пропаганда среди них православных идей.

Особенностью начального этапа деятельности Киргизской миссии стало то, что огромное влияние на определение конкретных методов и форм ее работы оказала Алтайская духовная миссия Томской епархии, филиалом которой она являлась. Реализация миссионерских задач осуществлялась в ходе организации работы станом, становившихся центрами православной пропаганды и местом расселения новокрещенных казахов.

Второй этап православного миссионерства в казахской степи был связан с 90-ми гг. XIX – началом XX в. Несоответствие административно-территориального деления Казахстана епархиальному привело к тому, что среди казахов в этот период была параллельно организована работа двух Киргизских миссий. Первая действовала в пределах Омской епархии (ей были переданы и станы Киргизской миссии Томской епархии) на территории Акмолинской и Семипалатинской областей, вторая – в Оренбургской епархии, в Уральской и Тургайской областях Степного генерал-губернаторства.

В связи с усилением позиций ислама среди казахов-кочевников обе миссии были призваны препятствовать дальнейшему его распространению и активно привлекать казахов в лоно православной церкви. Однако особенности этноконфессиональной и социокультурной ситуации в Омской и Оренбургской епархиях привели, в конечном итоге, к расхождению в определении целей и задач Киргизских миссий. Так, омские миссионеры считали необходимым целенаправленно проводить работу исключительно среди казахского населения края, в то время как их оренбургские коллеги видели эти задачи гораздо шире. Помимо казахского населения, они включали в поле своей деятельности крестьян-переселенцев, подвергшихся культурной и религиозной ассимиляции со стороны казахов-мусульман. Таким образом, одним из направлений деятельности оренбургских миссионеров стало укрепление в православной вере русского населения края.

Отличалась и структура миссий. Киргизская миссия Омской епархии использовала классический метод организации своей деятельности по аналогии с Алтайской духовной миссией, в основе которого был заложен принцип работы станов во главе с миссионерами, подчинявшимися начальнику миссии. При этом территориальные границы станов не были четко определены. Омский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, созданный в 1895 г., фактически не вмешивался в дела миссии и был занят сбором пожертвований на миссионерские нужды.

В этом же контексте действовала на начальном этапе и Оренбургская миссия. Однако в связи с распространением антиисламской деятельности за пределы казахской степи, на территорию Оренбургской губернии, структура миссии была трансформирована. Координатором миссионерской деятельности выступил оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества, который разделил территорию епархии на миссионерские округа, уезды и станы, которым соответствовали должности окружных, уездных миссионеров и миссионеров отдельных станов. Киргизская миссия стала подчиняться Комитету, потеряв свою самостоятельность.

В то же время, несмотря на различия в понимании цели и задач деятельности, методов их реализации, 90-е гг. XIX – начало XX в. стали временем наивысшего расцвета Киргизских миссий в осуществлении поставленных задач. Именно в этот период было открыто наибольшее количество станов, миссионерских школ с интернатами при них, созданы различные религиозно-миссионерские общества, осуществлялось в полном объеме финансирование государством миссионерских структур.

События первой русской революции 1905–1907 гг. стали переломным моментом в истории Киргизских миссий Омской и Оренбургской епархий и началом завершающего, третьего, этапа их истории. Манифест о свободе вероисповедания, а также социально-экономический кризис, последовавший за революцией, привели к сокращению их финансирования, закрытию станов и школ при них, отпадению в ислам новокрещенных казахов.

Постреволюционный период характеризовался поисками руководством антимусульманских миссий Оренбургской и Омской епархий выхода из сложной ситуации, в которой они оказались. На многочисленных заседаниях епархиальных Комитетов миссионерского общества духовными властями

предлагались различные способы реанимации миссионерства в казахской степи, в том числе улучшение издательского дела на казахском языке, привлечение казахского населения к работе в миссии, проведение миссионерских съездов и т.д. Однако все предпринимаемые в этом направлении шаги не дали желаемого эффекта. После событий 1917 г. и падения династии Романовых Русская православная церковь свернула свою миссионерскую деятельность среди казахов-кочевников.

Во втором параграфе представлен анализ причин и особенностей организации православного миссионерства на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана, территории которого в дореволюционный период входили в юрисдикцию Туркестанской епархии.

Несмотря на активно развернувшийся процесс организации миссионерской пропаганды среди инородцев империи, представители Туркестанской администрации рассматривали данный процесс нежелательным и преждевременным для региона. Причины этого виделись в значительно большей степени исламизации местного казахского населения, близости региона к среднеазиатским исламским центрам, его территориальной отдаленности от южносибирских окраин Российской империи и отсутствии, таким образом, устойчивых этнокультурных контактов, способных обеспечить успешность православной пропаганды между православным русским и мусульманским казахским населением.

Тем не менее в 60–70 гг. XIX в. в Туркестанском крае была организована деятельность православной миссии, ориентированной на работу среди китайских эмигрантов. Их появление на территории Семиреченской области в конце 60-х гг. XIX в. в статусе беженцев было связано с внутривосточными событиями в китайской провинции Синьцзян. В ходе антицинских мусульманских восстаний, этническим ядром которых выступили уйгуры, дунгане и казахи, оставшееся верным китайскому правительству пограничное оседлое население вынуждено было искать убежища в пределах Российской империи. Спасшиеся маньчжуры, калмыки, сибиряки, солдаты и другие этнические группы, общей численностью 14000 человек, бежали в Семиречье и были размещены в Копале, Верном и других населенных пунктах региона.

Появление китайских эмигрантов в Семиреченской области вызвало дискуссию о перспективах их дальнейшего проживания в пределах Российской империи, определения их социального статуса, решении широкого спектра проблем их социокультурной и экономической адаптации. Наиболее перспективным был признан проект обустройства китайских эмигрантов, предложенный военным губернатором Семиреченской области Г.А. Колпаковским, который был утвержден в 1869 г. императором Александром II и предполагал их принятие в российское подданство. Важным моментом процесса должен был стать переход эмигрантов в православие, что рассматривалось как гарантия преданности короне и попытка исключить возможность их участия в антиправительственных выступлениях.

В 1869 г. в Семиреченской области была создана специальная миссионерская структура – Казанско-Богородичное братство Туркестанской епархии (позднее – Семиреченское православное братство), призванное обеспечить успех обращения китайских эмигрантов в православие. 70-е гг. XIX в. стали временем его активной деятельности, связанной с образованием вблизи г. Копал Сарканского миссионерского стана и школы при нем. Всего, по данным братства, из 9400 человек,

оставшихся в пределах Российской империи и не возвратившихся в Китай после подавления цинскими властями антиправительственных выступлений в Синьцзине, православие приняли около 1000 китайских эмигрантов.

Таким образом, оформившаяся в 70-е гг. XIX в. православная миссия в Туркестанском крае реализовывала весьма специфичные задачи – наблюдение и контроль за политической лояльностью китайских эмигрантов, принявших российское подданство, и не ставила задач организации широкой антиисламской пропаганды и распространения православия среди местного казахского населения. Однако объективно ее работа способствовала процессу религиозной аккультурации и переходу некоторой его части в лоно данной религиозной системы.

Позиция властей по вопросу организации православного миссионерства в Туркестанском генерал-губернаторстве среди казахского населения претерпела значительные изменения после событий первой русской революции. Это было связано с изменением внутривнутриполитической ситуации, характеризовавшейся ростом этнического самосознания тюркских народов империи и процессами их консолидации. Важным фактором данного процесса выступала религиозная составляющая – на рубеже XIX–XX вв. наблюдался неизменный рост влияния ислама на жизнь казахов-кочевников.

Результатом явилась организация в Туркестане в 1909 г. антиисламской православной миссии. Однако специфичной стала методика ее деятельности – единственному миссионеру пришлось фактически отказаться от проведения открытой православной пропаганды из-за опасений вызвать недовольство мусульманского населения и заниматься исключительно «благовествованием»: распространением литературы миссионерского содержания, проведением «тайных» бесед и т.д. В конечном итоге миссия не сыграла сколько-нибудь значимой роли в развитии религиозно-культурного ландшафта Туркестанского генерал-губернаторства.

Третья глава «Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.)» состоит из двух параграфов и представляет характеристику основных этапов формирования старообрядческого и сектантского населения региона, его локализацию и классификацию по направлениям и толкам. В главе также проведен анализ основных механизмов взаимодействия официальной новообрядной церкви с данными религиозными течениями, выявлены основное содержание и особенности миссионерской деятельности Русской православной церкви среди них.

В первом параграфе представлены основные факторы, механизмы и этапы формирования старообрядческого и сектантского населения Казахстана, выявлены причины и особенности их региональной локализации, представлена классификация по направлениям и толкам.

Процесс формирования старообрядческого населения Казахстана был связан с началом присоединения его территорий к Российской империи. На протяжении XVIII в. русские активно осваивали пограничную с казахской степью зону Южной Сибири и Южного Зауралья. При этом велось строительство военно-оборонительных сооружений на всей приграничной линии от Урала до Иртыша, сопровождавшееся формированием иррегулярных войск в регионе – Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Для решения проблемы их снабжения продовольствием, прежде всего хлебом, мест-

ные власти стремились заселить войсковые территории крестьянским населением. При этом оренбургские и сибирские власти поощряли добровольную миграцию крестьян-старообрядцев, а в некоторых случаях использовали административный ресурс. Так, территории Верхнего Прииртышья и Южного Алтая заселялись ссыльными старообрядцами.

В результате к концу XVIII в. в приграничной с Южной Сибирью и Зауральем территории Казахстана определились два крупных старообрядческих центра. Одним из них являлся Западный Казахстан, земельные массивы которого по р. Урал, принадлежавшие казахам Младшего жуза, были отмежеваны в пользу Уральского казачьего войска. Значительная часть войскового населения выступала носителем старообрядческой православной традиции. К середине XIX в. официальные статистические данные фиксировали более 30000 старообрядцев, проживающих в 126 поселениях Уральского казачьего войска. Наибольшее их число приходилось на Уральск (6465 чел.) и Гурьев (1433 чел.).

Вторым центром старообрядчества стал современный Восточный Казахстан – Верхнее Прииртышье и Бухтарминский край. В отличие от первого региона, основными носителями старообрядчества выступали здесь не казаки, а крестьяне – беглые, ссыльные или вольнопоселенцы. На протяжении первой половины XVIII в. в регион переселялись лишь отдельные группы старообрядцев – беглецов. В 60–80 гг. этого столетия характерными стали добровольная миграция и ссылка старообрядцев в этот регион.

Нехватка рабочих кадров для работы на рудниках Южного Алтая и необходимость решения проблемы развития хлебопашеского хозяйства привели к компромиссу между правительством и старообрядцами региона. К концу XVIII в. государство признало их религиозную специфику, отказалось от преследования и присвоило им категорию «ясашных инородцев», обязав отрабатывать в виде государственной повинности на предприятиях горнорудной промышленности. Всего на территории Восточного Казахстана к 40-м гг. XIX столетия проживало 6490 старообрядцев, в том числе в Убинской волости 1903, в Бухтарминской волости – 537, в Крутоберезовской – 4050 старообрядцев.

В первой половине XIX в. в связи с реализацией серии административно-территориальных реформ, связанных с ликвидацией ханской власти в Младшем и Среднем жузах, началось выдвижение российских аванпостов в глубь казахской степи. Одним из результатов этой политической акции стало распространение старообрядческих общин во внутренних округах Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Наиболее крупной являлась староверческая община Кокчетавского округа, численность которой на протяжении первой половины XIX в. была стабильной и не превышала в целом 2500 человек.

С 70–80-х гг. XIX в. наблюдалось увеличение численности старообрядцев Казахстана. Это происходило не только за счет естественного прироста, но, главным образом, по причине начавшейся в этот период миграции крестьян из европейской части страны. На рубеже XIX–XX вв. происходила активная дифференциация старообрядческих общин по толкам, которые были представлены в регионе двумя основными группами – поповцами (беглопоповцы и приемлющие священство белокриницкой иерархии) и беспоповцами, не признающими священства (федосеевцы, нетовцы, дырники, немоляки, оховцы, самодуровцы). В роли промежуточного звена между поповскими и беспоповскими соглашениями выступали часовенный, стариковский и дяконовский толки.

По степени концентрации на территории Казахстана во второй половине XIX – XX в. старообрядческие общины различных согласий были представ-

лены неравномерно, при этом лидирующие позиции продолжал занимать Западный и Восточный Казахстан. Однако появились и новые центры: на территории Акмолинской области значительную их часть составляли казаки Сибирского казачьего войска и в Южном Казахстане – г. Казалинске.

Во второй половине XIX – начале XX в. миграционное движение крестьян из европейской части Российской империи в Казахстан, наряду с ростом старообрядческого населения, привело к появлению здесь сектантских течений. При этом следует отметить, что их локализация на территории региона была крайне неравномерной. Это было обусловлено особенностями государственной стратегии переселения, учитывающей этноконфессиональную ситуацию регионов, их природно-климатические характеристики, потенциал земельных ресурсов и т.д.

В итоге открытыми для переселения в 80–90-е гг. XIX в. оказались Акмолинская и Семипалатинская области, в пределах которых наблюдался наибольший рост численности сектантского населения Казахстана. Наиболее многочисленными на территории этих области были протестантские общины (баптисты, евангельские христиане, штундисты, адвентисты и др.). Их носителями выступили как русские крестьяне-переселенцы, преимущественно из Самарской, Тамбовской, Киевской и Астраханской губерний, так и немецкие поселенцы. Всего к 1913 г. в пределах, например, Акмолинской области проживало 10226 баптистов, 782 адвентиста, 740 менонита.

Второй по численности религиозной общиной в этом регионе являлась секта молокан и идейно близких к ней духоборов. Ее представители проживали в станицах Сибирского казачьего войска, а также в переселенческих поселках Омского и Петропавловского уездов и насчитывали к началу Первой мировой войны около 9000 человек. Кроме них, в Акмолинской области из среды староверов-беспоповцев оформилась община «Духовных христиан нового духовного Израиля», а к 1915 г. были зафиксированы секты хлыстов и афонских имябожников, никудышники, также именующие себя «квакерами», иоанниты (киселевцы), толстовцы, проживавшие, в основном, в городах Акмолинской и Семипалатинской областей.

На территории Уральской и Тургайской областей первые сектантские общины появились на рубеже XIX–XX вв. и были крайне малочисленными, что объясняется не только официальным закрытием Уральской области для переселения, но и преобладанием в регионе старообрядческих общин, что делало его малопривлекательным для сектантов. И, наконец, гораздо позднее сектантские общины появились в Южном и Юго-Восточном Казахстане – в начале XX в., что было связано с более поздним открытием Семиреченской и Сырдарьинской областей для крестьянской миграции из европейской части Российской империи.

Во втором параграфе прослежены основные методы и формы взаимодействия государства и Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством, определены основные цели и задачи миссионерской деятельности, а также механизмы ее реализации.

Рост численности старообрядческих и сектантских общин Казахстана во второй половине XIX – начале XX в. вызвал к жизни необходимость поиска Русской православной церковью новых форм взаимодействия с ними, при условии учета опыта предыдущего «единоверческого» периода. Главным со-

держанием нового курса стали отказ от открытого противостояния с расколом и переход к более либеральным методам воздействия на него и ограничениям его распространения.

Практическая реализация новых принципов взаимодействия со старообрядческими и сектантскими общинами выразилась в двух основных направлениях. Первое предполагало создание в Казахстане специальных миссионерских структур, призванных вести религиозную пропаганду среди раскольнического населения. В Оренбургской епархии такой структурой выступило Михаило-Архангельское братство, три отделения которого с 1886 г. работали на территории Уральской и Тургайской областей, в Туркестанской епархии – Туркестанское епархиальное братство (с 1886 г. – Казанско-Богородичное просветильское братство), в Омской епархии – Омское епархиальное братство.

С 1888 г. по итогам I Всероссийского миссионерского съезда и с принятием «Правил об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам» в епархиях Казахстана начали вводить должности епархиальных, уездных или окружных миссионеров. Главным содержанием их деятельности являлись организация поездок в районы наиболее компактного проживания старообрядцев и сектантов и проведение среди них религиозно-нравственных бесед, посещение частных домов, раздача литературы миссионерского содержания. По аналогичной схеме выстраивали свою работу окружные, уездные и областные противораскольничьи и противосектантские миссионеры. В своей работе они руководствовались «Общими правилами по устройству миссий» 1888, 1908 гг., которые освобождали их от выполнения функций приходских священников и обязывали вести исключительно миссионерскую пропаганду, а также направлять миссионерскую деятельность приходских священников. Последние не освобождались от приходских обязанностей, но в свободное время и параллельно с основной работой призывались миссионерствовать среди старообрядцев и сектантов.

В то же время в конкретных обстоятельствах, складывавшихся в регионе, деятельность миссионеров выходила далеко за рамки «Правил». В частности, им приходилось принимать активное участие в организации церковноприходской жизни православного населения Казахстана. В рамках работы епархиальных комитетов по устройству религиозного быта переселенцев они занимались проектированием новых приходов, руководили строительством церквей и приходских школ в них, собирали для этого необходимую документацию. При их активной поддержке в регионе было создано несколько монастырских обителей, призванных в том числе выполнять миссионерские задачи, а также формировать библиотечные фонды городских, приходских, миссионерских церквей. В условиях нехватки кадров священнослужителей миссионеры нередко выполняли обязанности приходских священников. Большое значение придавалось также сотрудничеству церковных и местных властей в вопросах выявления в общей массе крестьян-переселенцев старообрядцев и сектантов, определения их численности, регистрации религиозных общин, пресечения религиозной пропаганды среди православного населения региона, возбуждения уголовных дел по ее факту.

Вторым направлением миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане, направленной на пресечение старообрядческой и сектантской пропаганды, стала организация широкой религиозно-просвети-

тельской работы среди местного православного населения. Особенно оно актуализировалось в специфических условиях Казахстана второй половины XIX – начала XX в., когда только набирало темпы формирование церковно-приходской жизни и в регионе наблюдалось падение религиозно-нравственного уровня его жителей.

Первостепенное значение в этой работе отводилось церковной проповеди как основной форме религиозно-нравственного воспитания, проведению внебогослужебных беседований и народных чтений с прихожанами как в городских, так и в сельских приходах. Важным моментом признавалось создание различных обществ и кружков на базе приходских храмов с целью пропаганды среди населения идей православия, а также распространение литературы миссионерского содержания.

Как механизм повышения общего уровня религиозных знаний населения Казахстана рассматривалось и создание системы церковно-школьного образования. Оно осуществлялось на основе «Правил о церковноприходских школах» 1884 г. и «Правил о школах грамоты» 1891 г. Несмотря на наличие серьезных проблем, связанных с низким уровнем профессиональной подготовки учителей церковноприходских школ, неудовлетворительным санитарным состоянием и материально-техническим обеспечением, в целом процесс церковно-школьного строительства во второй половине XIX – начале XX в. на территории Казахстана неизменно набирал темпы.

Помимо указанных форм, важное значение в закреплении морально-нравственного облика православных жителей Казахстана и борьбе со старообрядчеством и сектантством придавалось поездкам архиепископов «с целью обозрения епархий», совершаемым ими ежегодно, а также организации поездок по святым местам и проведению крестных ходов во время православных праздников.

Четвертая глава «Основные проблемы миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. и ее итоги» представляет анализ совокупности причин субъективного и объективного порядка, которые оказали существенное влияние на конечные результаты деятельности православных антиисламских, антистарообрядческих и антисектантских миссий Казахстана во второй половине XIX – начале XX в.

В первом параграфе анализируется общее состояние развития институтов Русской православной церкви в Казахстане в период организации и проведения миссионерской деятельности на его территории.

Процесс развития административно-территориальной системы управления Русской православной церкви в Казахстане осуществлялся в рамках общеимперских тенденций. К середине XIX в. она представляла трехступенчатую модель: епархия–благочиние–приход. В этот же период в связи с завершением процесса присоединения Казахстана к Российской империи и резким увеличением численности православного населения за счет крестьянской миграции в регион произошло расширение сферы влияния Русской православной церкви. Оно охватило фактически все регионы Казахстана, что выразилось в создании новых епархий: Оренбургской, Туркестанской и Омской. На Западе Казахстана Уральская область вошла в состав Самарской, часть районов Восточного Казахстана – Томской епархии.

Общей тенденцией для епархиальных центров Казахстана во второй половине XIX – начале XX в. являлись крайне низкие темпы церковноприход-

ского строительства, которые не соответствовали темпам крестьянского переселения. Причинами такого положения выступала совокупность проблем: недостаточное финансирование, кадровая проблема и низкий квалификационный уровень кадров священнослужителей, финансовая несостоятельность большинства переселенцев, непозволявшая им брать на себя обязательства по содержанию приходского духовенства, предоставлению ему земельных наделов и помещений для проживания, а также выплаты денег за исполнение треб.

Прилагаемые государством и Синодом усилия, направленные на расширение церковноприходского и храмового строительства в регионе, желаемых результатов не дали. Даже к 1914 г. для многих переселенческих районов Казахстана актуальной оставалась проблема удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православного населения.

Это привело к значительной трансформации цели и задач деятельности православных Киргизских миссий: на территории их станом и поселков в значительном количестве селились крестьяне-переселенцы. В этой ситуации миссионеры вынуждены были перейти к исполнению функций приходских священников, что значительно ограничивало их возможности, а в некоторых случаях делало фактически невозможным реализацию миссионерских задач среди казахского населения. Многие из антистарообрядческих и антисектантских миссионеров, действовавших в Казахстане, из-за отсутствия развитой церковно-приходской системы также были вынуждены смещать акценты в своей деятельности в сторону удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православного населения, исполнения треб, а не на борьбу с расколом.

Во втором параграфе выявляется потенциал православной, исламской и раскольнической пропаганды в Казахстане, проводится сравнительный анализ особенностей их организации и методов деятельности. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане среди местного населения значительно осложнялась присутствием в регионе мусульманских, старообрядческих и сектантских проповедников, несмотря на то, что российское законодательство запрещало любую религиозную пропаганду, за исключением православной. В результате служащим православных миссий пришлось столкнуться с ними в жесткой конкурентной борьбе за паству, характер и исход которой во многом определялся целым рядом объективных и субъективных обстоятельств.

К числу объективных факторов следует, на наш взгляд, отнести «цивилизационный код» казахов, сформировавшийся в специфических условиях хозяйственно-культурного типа – кочевого скотоводства. Сезонные перекочевки, рацион питания, традиционные социальные связи, этнопсихологические и ментальные особенности казахов делали фактически невозможным восприятие ими христианских догм и правил. Закрепление к этому периоду среди кочевников ислама в форме суфизма во многом стало возможным благодаря его способности адаптироваться к языческому мировоззрению казахов, заимствовав многие его компоненты и наложив на них собственные концептуальные положения. Христианство такой гибкостью, безусловно, не обладало.

Важным субъективным фактором, обеспечившим успех исламскому миссионерству, являлись его огромные финансовые возможности и методика, которую использовали мусульманские проповедники в своей работе. Она отличалась гибкостью, готовностью адаптироваться к местным условиям, учитывала особенности хозяйства и быта казахского населения. Постоянное проживание в

казахском ауле мусульманских миссионеров под видом торговцев, лекарей и учителей, отсутствие для них языковой проблемы давали им возможность более длительно и эффективно воздействовать на религиозное сознание кочевников.

Единственным методом ведения религиозной пропаганды для православных миссионеров оставались так называемые разъезды по степи, количество которых определялось конкретными обстоятельствами. Однако, учитывая огромные по площади территории Казахстана, которые должны были охватить работой миссионеры, посетить несколько раз в год один и тот же аул у них не было возможности. Таким образом, эффективность их работы фактически сводилась к нулю.

Реализации задач православного миссионерства в Казахстане объективно препятствовала деятельность старообрядческих и сектантских миссионеров. Она была не менее организована и профинансирована, чем деятельность мусульманских пропагандистов, и при этом использовала более разветвленный арсенал методов и средств. У старообрядческих общин и сект были специально подготовленные кадры – наставники, начетники, «дядьки», пресвитеры и т.д. Их деятельность координировалась руководителями общин, районы их проживания были разделены на миссионерские участки, за каждым из которых закреплялся свой наставник. К проведению религиозной пропаганды, наряду со специально подготовленными кадрами, допускались все члены старообрядческой или сектантской общины.

В отличие от исламского и раскольнического, для православного миссионерства Казахстана проблема финансирования всегда являлась актуальной. Выделяемые бюджетные средства для деятельности миссии шли, как правило, на выплату миссионерам заработной платы, аренду для них квартир и оплату поездок по степи. На благотворительные нужды и помощь новокрещеным казахам денежные средства миссий были крайне ограничены. Попытки привлечь к благотворительности православное население края – крестьян-переселенцев, казачество и русских купцов – большого успеха не имели.

Слабое финансирование миссионерских структур со стороны государства ограничивало возможности расширения штата миссий и количества станов. Большинство их сотрудников совмещали должности миссионеров антисектантских и антистарообрядческих. Ситуация усугублялась наличием языковой проблемы для сотрудников Киргизских миссий, попытки самостоятельного решения которой оказались малоэффективны.

В третьем параграфе анализируется совокупность проблем, связанных с социокультурной и хозяйственной адаптацией крещенных казахов Киргизских миссий Омской и Оренбургской епархий. Реализация православных миссионерских задач нашла благоприятную почву только среди той части казахского общества, которая на протяжении продолжительного промежутка времени проживала в приграничной с Южной Сибирью и Южным Зауральем зоне и вступала в экономические и этнокультурные контакты с православным русским населением. Именно поэтому процесс создания станов Киргизских миссий начался в казачьих поселках и крестьянских селах. Важным фактором успешности деятельности Киргизских миссий, по мнению их служащих, должно было стать совместное проживание православных русских жителей Казахстана и новокрещенных казахов на территории одного населенного пункта. Это обстоятельство могло бы способствовать более успешному про-

цессу социокультурной адаптации крещеных, закреплению их в православии, заимствованию русской бытовой обрядности и т.д.

В то же время в процессе социокультурной адаптации новокрещенных православным миссионерам пришлось столкнуться с комплексом проблем. Во-первых, к моменту организации православного миссионерства среди казахов в государстве оказалась несовершенная законодательная система, которая препятствовала формированию мотивации у казахов для перехода в лоно христианства. Во-вторых, в силу религиозного индифферентизма местного православного населения – казачества и крестьян-переселенцев, их крайне низкого культурно-образовательного уровня и религиозно-нравственного состояния фактически невозможным стало его привлечение к работе в миссии. В-третьих, одной из проблем социокультурной адаптации новокрещенных стала проблема их землеустройства и оказания им материальной поддержки, которую так и не удалось решить. Все эти факторы значительно снижали эффективность работы православных миссий и сдерживали процесс перехода казахов в православие.

В четвертом параграфе определяются место и роль православных миссионерских школ в образовательной системе Казахстана и степень их эффективности в решении интегральных задач государства. Для успешной реализации поставленных задач православных Киргизских миссий, наряду с религиозной пропагандой среди местного населения, важным направлением их деятельности стало создание в регионе сети миссионерских школ.

В процессе миссионерского школьного строительства во внимание принимались три важных обстоятельства. Во-первых, учитывалась финансовая несостоятельность большинства казахского и русского населения, в том числе новокрещенных, и поэтому обучение для их детей было бесплатным. Во-вторых, в силу своеобразия системы жизнеобеспечения казахов, характеризующейся господством кочевого способа ведения хозяйства и, как следствие, мобильностью населения степи, возникла идея организации интернатов при миссионерских школах Киргизских миссий. Обучающиеся в них дети казахов поступали на полное государственное обеспечение и проживали здесь в течение всего учебного года.

В-третьих, в условиях полиэтничности населения Казахстана, сформировавшейся в результате миграционного движения в регион русских крестьян из центральных губерний империи, ставка была сделана на совместное обучение представителей русского и казахского этносов, населяющих регион. Это обстоятельство должно было во многом облегчить задачу русификации казахского населения и освоения им русского языка и культуры.

Программа обучения в миссионерских школах Киргизских миссий Казахстана выстраивалась в соответствии с программами одно-, двух- или трехклассных церковноприходских школ, разработанными И.Н. Ильминским. Конечным итогом обучения должна была стать русификация детей «инородцев», а именно: овладение ими русским языком и идеями православия. На практике учебный процесс был гораздо разнообразнее: наряду с церковными дисциплинами преподавался ряд светских, направленных на расширение общего кругозора учащихся, а также дисциплин, позволяющих овладеть навыками ремесленных производств.

Миссионерские школы, безусловно, обладали значительными русификационными возможностями. Однако государственная политика в области образования, делавшая приоритетным развитие системы светского образования в казахской степи, объективно препятствовала развертыванию миссионерско-

го школьного строительства в Казахстане. Потенциал таких школ в целях распространения русского языка и православных идей среди населения региона, возможности их социокультурных интеграционных процессов не были использованы в полном объеме.

В пятом параграфе на основе разработанной автором шкалы количественных и качественных критериев проводится оценка эффективности деятельности миссионерских структур Казахстана.

К моменту организации православных духовных миссий в Казахстане в 80–90-е гг. XIX в. Русской православной церковью был накоплен огромный опыт проведения миссионерской работы среди многочисленных народов Поволжья, Сибири и Крайнего Севера. Сопоставление ее результатов с итогами работы православных миссий Казахстана вызвало необходимость создания системы, позволяющей оценивать эффективность их деятельности.

Данную систему составила оценочная шкала, представленная количественными и качественными критериями. К количественным показателям относятся: численность станов, округов миссий, церквей при них, миссионерских монастырей, миссионерских школ, кадровый состав миссий, организаций религиозно-просветительского, благотворительного типов, а также вспомогательных структур. Крайне важным количественным критерием в оценке эффективности религиозной пропаганды миссий является общее количество обращений в православие за определенный промежуток времени.

Качественные критерии определялись одной из важнейших задач православной пропаганды, а именно необходимостью интеграции многочисленных азиатских народов в общеимперское пространство посредством приобщения их в том числе к русскому языку и православной русской культуре. Таким образом, в основе этой группы критериев выступала, прежде всего, степень трансформации исламского или языческого сознания азиатских инородцев, эволюции их хозяйственно-культурных типов в сторону заимствований русской традиционности, проникновения русского языка в их повседневный быт в результате религиозно-культурного воздействия православных миссионеров.

Сравнительный анализ итогов православного миссионерства среди многочисленных азиатских народов Российской империи с результатами деятельности миссионерских структур Казахстана позволяет оценить ее как позитивную. За непродолжительный период своего существования им удалось создать необходимую инфраструктуру, превратить миссионерские церкви и школы в центры культурно-просветительной и духовно-нравственной работы.

Количество крещений казахов-мусульман в условиях кардинального изменения форм и методов проведения православной пропаганды в рамках системы Н.И. Ильминского не должно было, по мнению служащих Киргизских миссий, выступать важным критерием их деятельности. Особенно это обстоятельство подчеркивали миссионеры Оренбургской епархии, считавшие своей главной задачей ограждение от исламского влияния и пропаганды и казахское, и русское переселенческое население. Поэтому в своих ежегодных «Отчетах о деятельности» они довольно часто вообще не помещали информацию о количестве крещений, даже если они имели место. В целом анализ архивных данных показывает крайне низкое количество крещений казахов и обращение в лоно новообрядной церкви старообрядцев и сектантов. В то же время имели место и факты перехода православных в ислам, старообрядчество и сектантство.

Качественные результаты деятельности православных миссий Казахстана отразились в степени трансформации религиозного сознания и менталитета новообращенных. Принявшие православие казахи, как правило, весьма охотно перенимали внешнюю сторону жизни русского крестьянина-переселенца, но при этом весьма поверхностно представляли внутреннее содержание христианского учения. Процесс русификации глубже затронул лишь ту часть крещеных казахов, которые на протяжении длительного промежутка времени проживали в русской этнической среде. Наиболее яркий маркер успешной ассимиляции – исчезновение из употребления родного языка – не был характерен для новокрещенных казахов, что позволяет сделать вывод о недостаточном глубоком воздействии православных миссионеров на их религиозное сознание.

Анализ источников позволяет также утверждать, что на протяжении всего периода функционирования православных миссий в Казахстане происходило неизменное укрепление позиций ислама, старообрядчества и сектантства в религиозном пространстве региона. На рубеже XIX–XX вв. в казахском кочевом обществе наблюдалось проникновение исламских религиозных традиций во все сферы его жизнедеятельности, резкое увеличение численности исламских культовых учреждений и паломничеств к святым местам, политика Российской империи, связанная с практикой назначения мулл из местной этнической среды, привели к формированию социальной прослойки казахских мулл.

Аналогичная ситуация имела место и в раскольнической среде. В период активной миссионерской деятельности Русской православной церкви, и особенно после провозглашения закона о свободе вероисповедания в 1905 г., на территории Казахстана наблюдался рост численности старообрядческих и сектантских организаций, их структурообразующей и пропагандистской деятельности.

Несколько больший успех в Казахстане, на наш взгляд, имела работа Русской православной церкви по укреплению религиозно-нравственного состояния православной паствы. Организованные внутренние миссии использовали огромный арсенал методов и средств, направленных на усиление православных начал в массовом сознании крестьян-переселенцев. На фоне общего падения авторитета Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв. и увеличения численности верующих, формально относящихся к исполнению религиозных предписаний, ей удалось удержать православное население Казахстана, дисперсно расселенного в степи и находящегося под сильным влиянием казахов-мусульман, а также старообрядцев и сектантов, от массового обращения в ислам и раскол. Деятельность аналогичных миссий в других регионах Российской империи была менее эффективной. Например, в Среднем Поволжье, несмотря на прилагаемые усилия, миссионерам не удалось сдержать процесс исламизации православного населения. Аналогичные результаты имела и миссионерская деятельность антираскольнического братства им. Дм. Ростовского в Томской епархии – раскол здесь увеличился за счет массового перехода в него православного населения региона.

В заключении подведены итоги исследования.

В условиях полиэтничности и поликонфессиональности Российской империи важной посылкой национальной политики было стремление сохранить ее территориальную целостность, избежать регионализма и сепаратистских тенденций. Данная задача нашла реализацию в политике интеграции этнорегионов России в общеперское пространство, посредством их вовлечения в общероссийский рынок, распространения единой системы органов управления и право-

вого пространства. Для успешной социокультурной интеграции национальных окраин и обеспечения высокой социальной мобильности их населения была задействована политика русификации, важная роль в которой отводилась распространению русского языка и православной русской культуры.

Интеграционные устремления России нашли отражение и в Казахстане, завершение присоединения которого в состав империи произошло в середине XIX в. Главным содержанием религиозной политики в регионе, как составной части, в конце XVIII – первой половине XIX в. стала исламизация казахского общества административными методами, предполагавшая его инкорпорацию в общероссийское мусульманское движение. Несмотря на активно разворачивающийся в это время процесс открытия православных миссий в азиатских епархиях империи, правительство считало проведение православной пропаганды в казахской степи нецелесообразным.

Второй этап (вторая половина XIX – начало XX в.) правительственного реформирования религиозной жизни казахского общества был связан с трансформацией взглядов политической элиты империи на судьбу российского ислама. Увеличение территории России за счет присоединения регионов, населенных мусульманским населением, а также события внешнеполитического характера, связанные с неудачной для империи Крымской войной, привели к появлению в правительственных кругах исламофобских настроений. Консолидация мусульман империи стал рассматриваться как мощный дестабилизирующий фактор внутренней жизни государства. В результате вектор религиозной политики в Казахстане был смещен в сторону поэтапного демонтажа исламских структур и реализации политики русификации.

На практике она нашла выражение в изъятии решения духовных вопросов казахов-мусульман из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, запрещении исламской пропаганды в казахской степи татарским и среднеазиатским миссионерам, вводе ограничений на строительство культовых исламских учреждений и паломничестве к святым местам. Как альтернатива «казахскому исламу» и «татарской грамоте» предполагалось распространение православия, русского языка и культуры.

В то же время миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане приобрела специфические особенности. Во многом это стало возможным благодаря особенностям процесса формирования православного населения региона и институтов Русской православной церкви. Во-первых, для него были характерны более высокие темпы роста численности православного населения, чем темпы церковноприходского строительства. Развитие церковноприходской системы осложнялось финансовой проблемой, нехваткой кадров профессиональных священнослужителей и т.д. Во-вторых, формирование православного населения сопровождалось проникновением в регион старообрядческих общин, а во второй половине XIX в. в связи с началом крестьянской миграции и сектантских течений.

Эти факторы значительно влияли на процесс социокультурной адаптации православного населения региона, порождали проблемы удовлетворения их религиозно-нравственных потребностей, в некоторых случаях способствовали ассимиляции со стороны казахского мусульманского населения и росту влияния старообрядчества и сектантства на его религиозно-духовную жизнь.

В этой связи политика русификации, проводившаяся в Казахстане в 70-е гг. XIX – начале XX в., безусловно, предполагала вовлечение в сферу активного

влияния Русской православной церкви не только казахского – мусульманского, но и восточнославянского – православного населения региона. Миссионерство Русской православной церкви в отношении старообрядчества и сектантства стало ее важнейшим направлением деятельности, поскольку их носители рассматривались как один из дестабилизирующих факторов внутренней жизни государства, а приведение их в новообрядческое православие всегда являлось приоритетной задачей государства в свете его интеграционных устремлений. В этом же контексте необходимо оценивать мероприятия Русской православной церкви по повышению религиозно-нравственного уровня православного населения Казахстана и закреплению среди него православных начал.

Практическая реализация Русской православной церковью политики русификации выразилась в создании в Казахстане в 80–90-е гг. XIX в. миссионерских структур, предполагавших организацию православной пропаганды как среди казахского, так и русского населения. Своеобразие церковноприходского устройства Казахстана, характеризовавшееся распространением на его территории компетенции нескольких епархий, привело к тому, что здесь была организована деятельность нескольких православных антиисламских, антистарообрядческих и антисектантских миссий, административно подчинявшихся омским, оренбургским и туркестанским епархиальным властям.

Историю их развития можно разделить на несколько этапов. Первый из них – 70–80-е гг. XIX в. – период становления, разработки методики православной пропаганды. Во многом это стало возможным благодаря проведению серии Всероссийских миссионерских съездов, на которых были унифицированы и утверждены нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность антиисламских и антираскольнических миссий в масштабах империи. На этом же этапе последовала апробация методики ведения православной пропаганды среди казахов Алтайского горного округа посредством создания Киргизской духовной миссии. Особенностью этапа выступило то обстоятельство, что на территории Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства была организована работа православной миссии, призванной вести религиозную агитацию среди китайских эмигрантов, переселившихся в регион в ходе антицинских мусульманских восстаний из китайской провинции Синьцзян.

В ходе второго этапа, охватывающего 90-е гг. XIX в. – 1905 г., произошел резкий рост активности миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане. Она охватила фактически все его регионы. В этот же период была организована деятельность наибольшего количества миссионерских станций, округов. При активном участии миссионеров были поставлены на контроль процесс роста старообрядческого и сектантского населения региона, мусульманская пропаганда среди казахского и русского населения, организована широкомасштабная работа по созданию церковноприходских и миссионерских школ, миссионерских монашеских обителей, подготовке кадров. Важное место в деятельности миссий этого периода стала занимать работа по повышению религиозно-нравственного уровня православного населения Казахстана. В частности, были организованы различные благотворительные общества, миссионерские курсы, внебогослужебные мероприятия, издательская деятельность, библиотечные фонды религиозно-просветительского содержания.

На территории Южного и Юго-Восточного Казахстана, в Семиреченской и Сырдарьинской областях в данный период миссионерство Русской православной церкви не получило развития. Этому способствовал ряд обстоятельств: более

позднее присоединение региона к Российской империи и позднее его открытие для легальной крестьянской миграции, особый политико-правовой статус Туркестанского генерал-губернаторства, значительная роль ислама в жизни местного населения, слабое развитие институтов Русской православной церкви.

Третий этап миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане пришелся на 1905–1917 гг. Первая русская революция привела к смене политического курса во многих областях государственной жизни, в том числе в национальной политике Российской империи. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», провозгласивший свободу выбора религии, привел к необходимости пересмотра правового положения религиозных систем империи. За мусульманами, старообрядцами и сектантами было признано право беспрепятственно исповедовать свои вероучения, строить культурные учреждения, издавать литературу, проводить религиозные собрания и мероприятия.

Под воздействием новых тенденций этноконфессиональной политики государства миссионерская деятельность Русской православной церкви, безусловно, теряла свою актуальность. Стержнем политики русификации становилось распространение русского языка в национальных окраинах как языка межнационального общения и делопроизводства. В то же время Русская православная церковь стремилась не сдавать своих позиций. Как попытку реанимации миссионерской деятельности следует рассматривать серию ее региональных и всероссийских съездов, которые были проведены в послереволюционный период, инспекционные поездки по азиатским епархиям, организованные Синодом с целью выявления причин низкой эффективности православной пропаганды среди инородцев, старообрядцев и сектантов империи.

На данном этапе происходило неизменное сужение сферы миссионерской деятельности Русской православной церкви как среди казахского, так и русского населения. Наблюдалось сокращение отделений миссий, должностей окружных и областных антираскольнических миссионеров, их финансирования, переводческой, благотворительной, религиозно-просветительской деятельности. И даже создание миссионерских структур на территории Туркестанской епархии, безусловно, не смогло обеспечить роста православной пропаганды в Казахстане. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения 1917 г. привели к свертыванию миссионерства Русской православной церкви в Казахстане.

Оценивать итоги миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане нельзя однозначно. Безусловно, в свете реализации интегральных устремлений Российской империи и активного включения в орбиту своих интересов данного этнорегиона, населенного как казахами-мусульманами, так и восточными славянами-православными, миссионерство было направлено не только на их привлечение в лоно православия, но и на закрепление позиций православного государства и Русской православной церкви в его религиозно-культурном пространстве. Именно в таком контексте, на наш взгляд, необходимо рассматривать миссионерство Русской православной церкви в этом этнорегионе.

В широком смысле как механизм закрепления позиций Русской православной церкви необходимо рассматривать активное участие ее миссионерских структур в изменении религиозно-культурного ландшафта Казахстана. В этом контексте ими была оказана значительная помощь в епархиальном, церковноприходском, школьном, храмовом и монастырском строительстве,

организации широкой сети религиозно-просветительских, благотворительных организаций, издательской деятельности. В результате Русской православной церкви удалось занять прочные позиции в регионе, избежав возможной конфронтации и противостояния с другими религиозными системами, имевшими здесь место. В этом смысле интеграция региона в имперское пространство православного государства произошла успешно.

В узком смысле миссионерство Русской православной церкви было направлено на религиозно-культурную унификацию населения Казахстана посредством распространения православной догматики. В ходе реализации миссионерских задач ей пришлось столкнуться с комплексом проблем, оказавшим существенное влияние на конечный их результат. Прежде всего, следует отметить слабое развитие в регионе церковноприходской жизни и епархиальных институтов, малое количество православных храмов, наличие финансовой и кадровой проблем в миссионерской работе, отсутствие религиозно-образовательных учреждений, деятельность которых была бы направлена на их подготовку, с учетом этнокофессиональной специфики и т.д. Это способствовало снижению авторитета Русской православной церкви в регионе и условий для реализации религиозно-нравственных потребностей православного населения, росту влияния мусульманских и раскольнических общин на его духовную жизнь.

К числу объективных препятствий следует отнести наличие в казахской степи организованной исламской, старообрядческой и сектантской пропаганды. Все попытки пресечь ее на законодательном и административном уровне оказались безрезультатными. Успех исламского миссионерства во многом объяснялся историческими предпосылками: близостью Казахстана к региональным исламским центрам Поволжья, Южной Сибири и Средней Азии, несколькими волнами исламизации казахского общества на протяжении предшествующего периода и его многовековыми этнокультурными контактами с мусульманским миром.

Проблемы социокультурной и экономической адаптации новокрещенных казахов (сложный характер этнических отношений между крещеными казахами и православным населением края, иногда приводящий к открытой конфронтации, нерешенность земельного вопроса Киргизских миссий, слабую материальную поддержку новокрещенных) также значительно осложняли эффективность деятельности православных миссионеров. Кроме того, существующее к моменту организации православного миссионерства в Казахстане российское законодательство в сфере социальных отношений не позволяло формировать у казахов побудительных мотивов для перехода в православие.

В конечном итоге снизить масштабы влияния ислама на казахское общество, а также сократить численность старообрядческих и сектантских общин Казахстана миссионерским организациям так и не удалось. Низкими оказались и показатели обращений в православие, а также степень трансформации религиозного сознания новообращенных.

Следует отметить, что миссионерская деятельность Русской православной церкви спровоцировала осложнение межэтнических русско-казахских отношений в регионе. Совместное, продолжительное по времени, проживание русского и казахского населения сопровождалось процессами взаимной межэтнической коммуникации. Она определялась в первую очередь экономической целесообразностью и принимала различные формы, в том числе формы взаимной религиозной аккультурации. XIX в. стал периодом перехода казахов-мусульман в православие, а православных русских – в ислам в данном регионе. Вмеша-

тельство государства и Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв. в процесс межкультурного диалога двух этносов посредством организации деятельности православных миссий, безусловно, внесло деструктивные функции в дальнейшее его развитие. Миссиям не удалось добиться ограничения сферы влияния ислама и провести массовое обращение казахов в православие. Напротив, ее деятельность спровоцировала осложнение двусторонних русско-казахских отношений и прервала контакты двух этносов на религиозной основе.

Этому способствовали политика социальной поддержки новокрещенных казахов, предоставление им безвозмездной финансовой помощи на развитие земледельческого хозяйства, освобождение от воинской повинности, льготы при землеустройстве. Все это вызывало недовольство со стороны православного населения и приводило к взаимному отчуждению, в некоторых случаях провоцировало открытое противостояние.

Осталась фактически нереализованной основная задача деятельности Киргизских миссий по ограничению влияния ислама в казахской степи. Как это ни парадоксально, но православное миссионерство простимулировало дальнейшую исламизацию казахского общества. Причина заключается, на наш взгляд, в том, что реализация задач православного миссионерства в казахской степи совпала по времени с реформами, направленными на модернизацию и интеграцию ее населения в пространство Российской империи. В результате в казахском обществе началась трансформация патриархально-родовых институтов, потестарных связей и формирование новых социальных структур и отношений.

Как известно, у любого этноса, оказавшегося в подобной ситуации, активизируются процессы этнической консолидации, позволяющие ему сохранить свою этническую целостность. В ходе этих процессов активно формируются этническое самосознание и представление о собственной монолитности и обособленности, что способствует четкому противопоставлению «себя» соседним, подчас родственным этносам. Важное значение в этих процессах играет и религиозная составляющая. В некоторых районах, например юг Западной Сибири, процесс распространения православия сыграл положительную роль и выступал дополнительным фактором этнической консолидации некоторых групп населения.

В Казахстане имели место обратные тенденции – православное миссионерство стало носить этноразделительную функцию. В этой критической ситуации начались адаптационные процессы, явившиеся рефлексией казахского этноса на происходящее изменение его среды обитания и внешние воздействия. Переосмыслению были подвергнуты его морально-нравственные и религиозные ценности. В результате значительно усилились процессы консолидации казахского этноса, сопровождавшиеся ростом влияния ислама на все сферы жизни. Русская православная церковь в этой ситуации воспринималась казахским населением не столько даже как институт государства, сколько один из дестабилизирующих факторов его этнического благополучия.

Все вышесказанное, а также ситуация, связанная со значительной трансформацией цели и задач деятельности Киргизских миссий Казахстана, вынужденных в процессе своей деятельности сместить акценты в сторону работы с православным русским населением, позволяющей поставить под сомнение и выводы некоторых казахстанских исследователей о тотальной духовной экспансии России в регионе в дореволюционный период. Концепция имперской национальной политики, предполагавшая масштабную интеграцию много-

численных народов страны на основе русского языка, культуры и православия, безусловно, нашла воплощение в Казахстане. Однако в процессе реализации натолкнулась на комплекс проблем, не позволивших в полном объеме решить задачи русификации в сфере распространения православия, обеспечить культурно-религиозную интеграцию казахского общества в общеимперское пространство и тем самым сохранить актуальным для Российской империи вопрос о его социокультурной унификации.

Необходимо также подчеркнуть, что Русская православная церковь являлась одним из институтов Российской империи. В связи с этим православное миссионерство, являвшееся составляющей национальной политики Российской империи, проводимой в отношении казахстанского населения, было лишено возможности самостоятельно решать возникающие проблемы, маневрировать и приспосабливаться к различным ситуациям. Кроме этого, оно постоянно бюрократизировалось, что выражалось, например, в необходимости предоставления отчетной документации раз в три месяца и ежегодно. Эти факторы, безусловно, привели к утрате исконного смысла православного миссионерства – мессианского подвижничества православных монахов с целью привлечения иноверцев в лоно христианства.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия:

1. Лысенко, Ю.А. Казахстан в новое время (XVIII – начало XX в.): учеб. пособие / Ю.А. Лысенко. – Барнаул, 2006. – 123 с. (11 п.л.).
2. Лысенко, Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко. – Барнаул, 2010. – 194 с. (18 п.л.).
3. Лысенко, Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко. – Барнаул, 2011. – 148 с. (12 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

4. Лысенко, Ю.А. Степень исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. в оценке миссионеров Киргизской духовной миссии / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2008. – №4/3. – С. 149–156. (1 п.л.).
5. Лысенко, Ю.А. Проблемы социально-культурной и хозяйственной адаптации крещеных казахов Киргизской духовной миссии Омской епархии (конец XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2008. – №4/5. – С. 116–125. (1 п.л.).
6. Лысенко, Ю.А. Оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. – №4/2. – С. 126–135. (1 п.л.).
7. Лысенко, Ю.А. Структура, цели и задачи деятельности Киргизских миссий Оренбургской и Омской епархий (сравнительный анализ) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2009. – №4/4. – С. 150–157. (1 п.л.).
8. Лысенко, Ю.А. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: История. – 2010. – №2. – С. 36–40. (0,5 п.л.).

9. Лысенко, Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2010. – № 4/3. – С. 146–152. (0,5 п.л.).

10. Лысенко, Ю.А. Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2010. – №4/3. – С. 138–145. (0,5 п.л.).

Статьи и тезисы:

11. Лысенко, Ю.А. К вопросу о приоритетах исторической науки современного Казахстана / Ю.А. Лысенко // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Мойсеева. – Барнаул, 2004. – Вып. IV. – С. 174–184. (0,3 п.л.).

12. Лысенко, Ю.А. О.А. Игельстром и его реформы по управлению инородческим населением (80–90 гг. XVIII в.) / Ю.А. Лысенко // III научные чтения памяти С. Аманжолова. – Усть-Каменогорск, 2005. – С. 74–82. (0,4 п.л.).

13. Лысенко, Ю.А. К вопросу о политических реформах Младшего жуза (20–40 гг. XIX в.) / Ю.А. Лысенко // Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. – Барнаул, 2005. – С. 54–62. (0,3 п.л.).

15. Лысенко, Ю.А. История становления Киргизской миссии на Алтае / Ю.А. Лысенко // Алтай – Россия. Через века в будущее: мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения Алтая в состав Российского государства. – Горно-Алтайск, 2006. – Т. 1. – С. 117–121. (0,4 п.л.).

15. Лысенко, Ю.А. Религиозная реформа хана Джангира в Букеевском ханстве / Ю.А. Лысенко // Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул, 2006. – Вып. V. – С. 186–198. (0,4 п.л.).

16. Лысенко, Ю.А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.А. Лысенко // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI в.): мат. междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2006. – С. 159–162. (0,4 п.л.).

17. Лысенко, Ю.А. К вопросу о трансформации социальных отношений в кочевом обществе казахов во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.А. Лысенко // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в XVI–XXI вв.: мат. VI Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2006. – С. 335–342. (0,4 п.л.).

18. Лысенко, Ю.А. Итоги деятельности Киргизской духовной миссии на этапе ее становления (70–90 гг. XIX в.) / Ю.А. Лысенко // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 158–164. (0,3 п.л.).

19. Лысенко, Ю.А. «Отчеты о деятельности Алтайской и Киргизской духовной миссии» как источник по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане в колониальный период / Ю.А. Лысенко // Макарьевские чтения–2006. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 43–49. (0,35 п.л.).

20. Лысенко, Ю.А. Религиозное пространство Казахстана в XVIII–XIX вв. / Ю.А. Лысенко // Исторические и философские исследования в Сибири: тр. науч. конф., посвящ. 50-летию кафедр истории и регионоведения и философии ТПУ: в 2 ч. – Ч. 1: Исторические исследования в Сибири. – Томск, 2007. – С. 10–15. (0,3 п.л.).

21. Лысенко, Ю.А. Образ России в представлении казахской политической элиты и интеллигенции XVIII–XIX вв. / Ю.А. Лысенко // Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI в.): мат. междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2007. – С. 39–43. (0,3 п.л.).

22. Лысенко, Ю.А. К вопросу об этноконфессиональной ситуации на Алтае на рубеже XIX–XX вв. / Ю.А. Лысенко // Этнодемографические процессы в Ка-

захстане и сопредельных территориях: мат. VII науч. конф. – Усть-Каменогорск, 2007. – С. 112–117. (0,3 п.л.).

23. Лысенко, Ю.А. Ч.Ч. Валиханов о религиозности казахского общества первой половины XIX в. / Ю.А. Лысенко // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений: Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда. – Барнаул, 2007. – С. 424–433. (0,4 п.л.).

24. Лысенко, Ю.А. Киргизская духовная миссия Омской епархии в 1881–1917 гг. / Ю.А. Лысенко // Макарьевские чтения: мат. VI междунар. конф. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 58–68. (0,4 п.л.).

25. Лысенко, Ю.А. Русская православная церковь в Казахстане в дореволюционный период (к постановке проблемы) / Ю.А. Лысенко // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2007. – Ч. 2. – С. 240–252. (0,5 п.л.).

26. Лысенко, Ю.А. Проблема периодизации истории Казахстана / Ю.А. Лысенко // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы: мат. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Красноярск; Железногорск, 2007. – С. 110–120. (0,4 п.л.).

27. Лысенко, Ю.А. Вопросы землеустройства крещеных казахов Православной духовной миссии Омской и Оренбургской епархий (конец XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул, 2009. – С. 96–106. (0,4 п.л.).

28. Лысенко, Ю.А. К вопросу об этноконфессиональной ситуации на Алтае на рубеже XIX–XX вв. / Ю.А. Лысенко // Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий: мат. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Алтайского края. – Барнаул, 2007. – С. 499–503. (0,3 п.л.).

29. Лысенко, Ю.А. Проблема устройства китайских беженцев в Семиреченской области в 1868–1874 гг. / Ю.А. Лысенко // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: мат. междунар. науч. конф. – Барнаул, 2008. – С. 319–329. (0,5 п.л.).

30. Лысенко, Ю.А. Церковно-школьное строительство в Казахстане в XIX – начале XX в. как фактор повышения имиджа империи / Ю.А. Лысенко // Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): мат. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2008. – С. 107–112. (0,3 п.л.).

31. Лысенко, Ю.А. Проблема землеустройства новокрещенных казахов Киргизских миссий Степного края / Ю.А. Лысенко // Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул, 2009. – Вып. VI. – С. 96–106. (0,6 п.л.).

32. Лысенко, Ю.А. О причинах неэффективности православного миссионерства в Степном крае (XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2009. – С. 212–216. (0,3 п.л.).

33. Лысенко, Ю.А. Особенности этнического взаимодействия казаков и крестьян-переселенцев с крещеными казахами Степного края / Ю.А. Лысенко // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: мат. X междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2009. – С. 241–249. (0,4 п.л.).

34. Лысенко, Ю.А. Политика России в отношении ислама в 20–60 гг. XVIII в. (по материалам ПСЗ РИ) / Ю.А. Лысенко // Четвертые научные чтения памяти Е. Залкинда. – Барнаул, 2009. – С. 64–70. (0,4 п.л.).

35. Лысенко, Ю.А. Основные направления деятельности Киргизских духовных миссий Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. тр. XI междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2010. – С. 298–305. (0,5 п.л.).

Подписано в печать 10.07.2011. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ 212.

Типография Алтайского госуниверситета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66